

Государственное научное учреждение

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МАСЛИЧНЫХ КУЛЬТУР ИМЕНИ В. С. ПУСТОВОЙТА**

Российской академии сельскохозяйственных наук

ВОСПОМИНАНИЯ

**О ВАСИЛИИ СТЕПАНОВИЧЕ
ПУСТОВОЙТЕ**

(К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

1886-2006

Краснодар 2006

1886-2006

Государственное научное учреждение
Всероссийский научно-исследовательский институт
масличных культур имени В. С. Пустовойта
Российской академии сельскохозяйственных наук

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ВАСИЛИИ СТЕПАНОВИЧЕ ПУСТОВОЙТЕ**

(посвящается 120-летию со дня рождения)

Краснодар 2006

В. С. ПУСТОВОЙТ

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВЫДАЮЩЕГОСЯ СЕЛЕКЦИОНЕРА

к 120-летию со дня рождения

Вячеслав Михайлович Лукомец,

директор ВНИИМК, д. с.-х. н.

Николай Иванович Бочкарев,

зам. директора ВНИИМК по научной работе, д. б. н.

15 января 2006 года исполняется 120 лет со дня рождения Пустовойта Василия Степановича, всемирно известного селекционера, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, Заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора сельскохозяйственных наук, действительного члена Академии наук СССР и ВАСХНИЛ.

Он начал свою трудовую деятельность в 1908 г. преподавателем земледелия и сельскохозяйственной механики в Кубанской войсковой сельскохозяйственной школе в г. Краснодаре.

Ещё до революции он увлеченно начал заниматься опытнической работой. В 1912 году организовал при войсковой школе опытно-селекционное поле «Круглик», реорганизованное в 1924 г. в селекционную станцию «Круглик», а в 1932 г. – во Всесоюзный научно-исследовательский институт масличных культур. Здесь в период с 1912 по август 1930 года В. С. Пустовойт был директором опытного поля, в последующем опытной станции и заведующим отделом селекции подсолнечника и пшеницы. Опытное-селекционное поле «Круглик» было первым опытным учреждением Кубани, в котором начались работы по изучению агротехники и селек-

ции основных полевых культур: пшеницы, ячменя, кукурузы, подсолнечника и других.

В. С. Пустовойт активно занимался селекцией полевых культур, возделываемых на Кубани. Он вывел по сорту озимого ячменя и кукурузы, два сорта клещевины.

Особое внимание начинающий ученый уделял подсолнечнику. В то время им были изучены приемы возделывания подсолнечника: сроки вспашки почвы под него, сроки посева, площади питания, сроки прорывки растений, некоторые вопросы биологии этой культуры. В 1919 году Ростовским издательством была выпущена книга «Возделывание масличного подсолнечника», в которой В. С. Пустовойт изложил рациональные приемы его возделывания.

Ещё в дореволюционный период он начал поиск методики селекционного процесса подсолнечника. Его с полным правом можно считать инициатором селекции подсолнечника на высокую масличность. Большинство ученых и практиков долгое время считали, что поднять содержание масла в семенах подсолнечника выше 33 % невозможно, так как это является как бы биологическим пределом масличности этой культуры.

Масличность исходного материала (местные сорта — Зеленка, Фуксинка, Пузанок), с которым В. С. Пустовойт начал селекционную работу, не превышала 32-33 % на абсолютно сухие семена.

В. С. Пустовойт 13 лет посвятил поискам путей повышения масличности семян в процессе селекции. Им был найден эффективный метод селекции: массовый индивидуальный отбор с оценкой по потомству и направленным перекрестным опылением лучших семей при свободном цветении.

Уже в 1926 году В. С. Пустовойтом был создан сорт подсолнечника Круглик А-41, масличность семян которого достигла 36 %, т. е. на 3 % выше лучших существовавших сортов. Этим была доказана перспективность селекции под-

солнечника на высокую масличность. В последующие годы (1927-1930 гг.) были созданы сорта Круглик 1975 и Круглик 1846 с масличностью семян 38-39 %, а в 1937 году сорт ВНИИМК 3519, масличность семян которого достигла в среднем за ряд лет 44 %. За это В. С. Пустовойту была присуждена в 1946 году Государственная премия.

Наряду с селекцией на высокую масличность и продуктивность, В. С. Пустовойт много работал над труднейшей проблемой создания заразиоустойчивых сортов подсолнечника. Заразиха – злейший враг подсолнечника, паразитическое растение, способное полностью погубить урожай.

Первый сорт подсолнечника с повышенной масличностью А-41, созданный В. С. Пустовойтом, обладал устойчивостью к моли и заразихе. Однако в 1927 г. из ряда хозяйств края стали поступать сведения о его поражении заразихой. Вскоре было установлено, что появилась новая раса, получившая индекс Б и название «злая» заразиха.

В 1928 году В. С. Пустовойтом был организован Армавирский опорный пункт селекционной станции «Круглик» в зоне наибольшего поражения подсолнечника заразихой. Основной задачей опорного пункта было выведение сортов подсолнечника, устойчивых к заразихе Б. Исходные образцы с частичной устойчивостью к заразихе Б были отобраны из местного подсолнечника Донецкой и Запорожской областей. Они имели большую высоту растений (до 2-3 м), ветвистость (50 % растений ветвистых) и семена грызового и межеумочного типа с высокой лужистостью (45-50 %) и низкой масличностью (26-28 %). Таким образом, селекцию на повышение масличности и устойчивость к заразихе необходимо было начинать сначала. И эта задача благодаря огромному, скрупулезному труду селекционера была успешно решена.

Продуктивная, творческая работа В. С. Пустовойта с подсолнечником в трудный для культуры момент – появле-

ние новой расы заразики – была прервана в августе 1930 г. арестом ученого по доносу. Пять лет он провел в Карлаге, но и здесь Василий Степанович занимался любимым делом – селекцией, только других культур. Им были созданы сорта озимой ржи Долинская и проса Долинское 086 и Долинское 0115. Сорта проса, устойчивые к засухе и засолению, многие годы возделывались в Казахстане на площадях, превышающих 100 тыс. га ежегодно.

С марта 1935 года и до конца своей жизни (1972 г.) В. С. Пустовойт непрерывно работал заведующим отдела селекции и семеноводства масличных культур лаборатории селекции подсолнечника Всесоюзного научно-исследовательского института масличных культур. Селекционерами института под руководством и при непосредственном участии В. С. Пустовойта за этот период был создан ряд высокомасличных, заразиховыносливых сортов подсолнечника: ВНИИМК 1646, ВНИИМК 6540, Армавирский 3497, ВНИИМК 8883, Передовик, Смена, ВНИИМК 8931 и др. Масличность последних районированных сортов достигала 50-53 % на абсолютно сухие семена.

В. С. Пустовойт является автором и соавтором 20 сортов подсолнечника, которые были районированы и возделывались на миллионах гектаров.

Наряду с крупными достижениями по селекции Василий Степанович разработал новую высокоэффективную систему семеноводства подсолнечника, основанную на ежегодном сортообновлении.

Предложенная им схема семеноводства подсолнечника являлась фактически продолжением селекционного процесса. Она включает отбор элитных растений с оценкой их по потомству и последующим объединением резервов семян лучших растений для выращивания суперэлиты в учреждениях-оригинаторах сорта.

Постановлением Совета Министров СССР в 1956 г. эта система семеноводства была введена в стране и дала высокие результаты.

Масличность районированных сортов подсолнечника благодаря улучшающему семеноводству постоянно возрастала. Так, сорта ВНИИМК 1646 и ВНИИМК 6540 за годы районирования стали практически новыми сортами; масличность их возросла на 10-11 % (с 40-41 % до 50-52 % на абсолютно сухие семена). Новая система позволяла ежегодно четко осуществлять сортообновление подсолнечника. Благодаря этому повышена не только масличность, но и устойчивость к болезням и моли, сокращен вегетационный период. В 1971 году 8 сортов подсолнечника селекции ВНИИМК Госкомиссией по сортоиспытанию с.-х. культур были признаны улучшенными и на них выданы авторские свидетельства.

Внедрение в производство высокомасличных сортов подсолнечника и системы улучшающего семеноводства способствовало росту продуктивности этой культуры в стране.

Если в 1940 году масличность товарных семян составляла 30,6 %, то в 1970 году – уже 46,3 %, а в пересчете на абсолютно сухие семена масличность подсолнечника в стране в 1970 г. достигла рекордной величины – 51,1 %.

Создание В. С. Пустовойтом высокомасличных сортов оживило интерес специалистов многих стран к подсолнечнику, как перспективной масличной культуре. Сорта подсолнечника селекции В. С. Пустовойта занимали около 1 млн. га за рубежом в таких странах, как Болгария, Румыния, Югославия и ряде других. Подсолнечник, в виде высокомасличных сортов, вернулся на свою историческую родину – Северную Америку, где первоначальные попытки введения его в культуру были предприняты индейцами.

Селекция на высокую масличность и высокую продуктивность, селекция на болезнестойкость и система

улучшающего семеноводства подсолнечника – три крупнейших, фундаментальных достижения В. С. Пустовойта.

К числу несомненных заслуг выдающегося ученого-селекционера можно отнести организацию под его руководством новых направлений исследований, связанных с подсолнечником, которые определяют в настоящее время селекцию этой культуры в мире.

По поручению В. С. Пустовойта его дочь Г. В. Пустовойт начала изучать дикорастущие виды подсолнечника в качестве доноров устойчивости к болезням. Она провела фитопатологическую оценку более 40 дикорастущих видов подсолнечника и установила генетически обусловленный иммунитет к основным патогенам у гексаплоидной группы видов.

За короткий срок Галина Васильевна разработала приемы преодоления нескрещиваемости и бесплодия при межвидовой гибридизации, методы оценок селекционного материала на иммунитет, методику и схему селекции устойчивых к болезням и вредителям сортов подсолнечника.

В результате проделанной работы Галиной Васильевой впервые в селекционной практике был создан исходный материал, обладающий комплексной устойчивостью к таким болезням и вредителям, как ложная мучнистая роса, зарази́ха, ржавчина, вертициллез, гелихрисовая тля, подсолнечная огневка и др.

В 1978 году был районирован её первый высокопродуктивный сорт, созданный на основе межвидового гибрида – Прогресс, устойчивый к ложной мучнистой росе, вертициллезу и подсолнечной огневке. В последующем были созданы сорта: Юбилейный 60, устойчивый к новым расам зарази́хи, среднеспелые – Конкурент и Лидер, раннеспелый – Березанский и скороспелый Кавказец, урожайность которых в условиях производства достигает 32-40 ц/га.

Межвидовая гибридизация подсолнечника в продолжение работ Г. В. Пустовойт получила широкое распространение в мире. Дикорастущие виды подсолнечника используются как доноры новых ЦМС и генов восстановления фертильности, устойчивости к новым болезням подсолнечника, новым расам заразики, в создании разнородного генетически исходного материала.

Под руководством В. С. Пустовойта Кармом Ивановичем Солдатовым были начаты работы по изменению жирно-кислотного состава масла подсолнечника с помощью мутагенов. На основе выделенных мутантов с высоким содержанием олеиновой кислоты К. И. Солдатовым создан уникальный сорт подсолнечника Первенец, отличающийся от других сортов этой культуры высоким содержанием в масле олеиновой кислоты (70-75 % против 25-30 % у обычных сортов), что ставит его в ряд культур, дающих лучшее растительное пищевое масло. По соотношению основных жирных кислот масло Первенца почти не отличается от оливкового масла. Такой сорт в практике мировой селекции был выведен впервые.

Сорт подсолнечника Первенец был районирован в 1977 г. в Краснодарском крае и занимал посевную площадь до 80 тыс. га. На основе этого сорта масложировая промышленность СССР освоила выпуск нового пищевого продукта «Масло кубанское салатное». Оно получило высокую оценку Института питания АМН СССР и ВНИИ жиров, а экспертная комиссия при Госплане СССР рекомендовала его к использованию в качестве заменителя импортируемого оливкового масла.

Сорт подсолнечника Первенец получил мировое признание и используется селекционерами многих стран (США, Франции, Югославии, Румынии и др.) в качестве донора при создании высокоолеиновых гибридов этой культуры, получивших широкое распространение в мире. Во ВНИИМКе на

основе сорта Первенец также ведется создание высокоолеиновых гибридов и сортов. В Госреестр селекционных достижений РФ в настоящее время включены сорт Круиз, гибриды Кубанский 941 и Арол.

Уход из жизни В. С. Пустовойта в 1972 г. совпал с передачей в производство в США первого в мире гибрида на основе ЦМС. Таким образом, дальнейшая селекция сортов-популяций в институте проходила в постоянной конкуренции с селекцией гибридов в российских и зарубежных селекционных учреждениях.

Нужно отметить, что в нашей стране сорта-популяции до сих пор занимают большие площади. Даже в Краснодарском крае, наиболее благоприятном для возделывания подсолнечника и наиболее привлекательном для зарубежных компаний по внедрению гибридов, доля сортов составляет около 40 %.

С 1972 по 2005 г. в институте и опытной сети создано 59 сортов подсолнечника. В селекции всех сортов, создаваемых в институте, в той или иной степени используется исходный материал, созданный Г. В. Пустовойт с применением межвидовой гибридизации.

В последние годы селекция сортов ведется в следующих направлениях:

– на качество масла, т. е. на высокое содержание олеиновой кислоты. На смену сорту Первенец создан сорт Круиз, который по продуктивности не уступает обычным по жирно-кислотному составу масла сортам. Этот сорт в отличие от Первенца устойчив к заразихе;

– на стойкость к гидролитическому распаду масла – приоритетное и оригинальное направление в создании сортов;

– на понижение активности фермента липазы.

Создан первый сорт Фаворит с пониженной активностью этого фермента и он уже включен в Госреестр селекционных

достижений. Создание таких сортов позволит получать высококачественное масло с низким кислотным числом из семян, убранных в осенний период, при неблагоприятных погодных условиях и перестое;

– на создание специализированных сортов кондитерского типа, т. е. крупноплодных. Первые такие сорта СПК и Лакомка имеют массу 1000 семян до 150 г при высокой масличности семян (45-48 %). Семена легко обрушиваются, они являются хорошим сырьем для кондитерской промышленности;

– на создание сортов кормового типа. Это новое направление в селекции подсолнечника. Обычный подсолнечник плохо силосуется из-за недостатка полисахаридов в зеленой массе. Однако в институте на основе экспресс-метода определения количества сахаров в зеленой массе создан исходный материал, по своим урожайным качествам и химическому составу удовлетворяющий требованиям, предъявляемым к силосным культурам. Первый сорт под названием «Белоснежный» подготовлен для передачи на государственное испытание, параллельно он проходит производственную проверку в различных регионах страны;

– на сокращение вегетационного периода с целью создания скороспелых сортов масличного типа.

Такие сорта, как раннеспелый Березанский и скороспелый Родник уже получили широкое признание.

С целью продвижения подсолнечника в регионы, где он ранее не возделывался, создан суперультраскороспелый сорт (СУР), который в условиях Краснодарского края созревает за 70 дней. В производственных испытаниях он созревает в первой декаде августа, урожай семян достигает выше 20 ц/га.

Нужно отметить, что в конце 60-х годов по инициативе В. С. Пустовойта во ВНИИМК была начата селекция межлинейных гибридов подсолнечника.

За 32 года, прошедших с момента организации во ВНИИМК отдела селекции гибридного подсолнечника, создан обширный фонд константных самоопыленных линий, отработаны основные методические вопросы гетерозисной селекции подсолнечника, выведены высокопродуктивные гибриды, развернуто их первичное и промышленное семеноводство.

Итогом работы коллектива ученых центральной экспериментальной базы ВНИИМК и его опытной сети явилось создание 49 гибридов подсолнечника.

Среди последних разработок ученых института следует отметить устойчивые к комплексу основных патогенов гибриды Кубанский 930, Триумф, Юпитер, высокоолеиновые гибриды Арал, Кубанский 941, высокопродуктивные гибриды с обычным жирно-кислотным составом масла Донской 22, Сигнал, Гарант, Донской 151, Темп, Престиж, Донской 1448.

В последние годы шел интенсивный обмен и исходным материалом с селекционно-семеноводческими фирмами США, Франции, Испании, Германии, Болгарии, Югославии и других стран. Получены обнадеживающие результаты испытаний совместных гибридов подсолнечника за рубежом и в нашей стране.

Продолжается возделывание за рубежом совместно созданного с фирмой Монсанто гибрида Элисол. Завершена работа по селекции совместных российско-украинских гибридов подсолнечника, устойчивых к заразице и ложной мучнистой росе, отличающихся высокой толерантностью к фомопсису. Гибрид Славянин внесён в Госреестр селекционных достижений Украины с 2000 года, а гибрид Надежный с 2005 г. проходит в этой стране сортоиспытание.

Исследования В. С. Пустовойта по разработке эффективного метода селекции имеют большое теоретическое значение. Им была доказана возможность суждения о генотипе

по его фенотипу, оценки продуктивности по показателям отдельного растения и небольшого числа его потомков.

На основе анализа созданного академиком В. С. Пустовойтом метода идентификации желательных генотипов по их фенотипам разработаны принципы фоновых признаков, а также другие методы селекционной идентификации генотипов, которые стали крупным вкладом в теорию отбора. Развитие этих исследований продолжается в различных учреждениях в настоящее время.

На основе этих же принципов создана обладающая высокой разрешающей способностью система физиолого-генетического анализа изменчивости хозяйственных признаков подсолнечника и других растений.

Эти знания позволили избежать ложных направлений селекции на продуктивность за счет увеличения числа семян в корзинке или за счет увеличения их крупности.

Результаты проведенного научного анализа достижений В. С. Пустовойта открывают возможности развития его наследия применительно к новым условиям. Например, с учетом таких факторов, как близость предела масличности семян и необходимость конкуренции сортов с межлинейными гибридами разработана усовершенствованная система улучшающего семеноводства сортов подсолнечника.

Нужно отметить, что достижения В. С. Пустовойта в селекции подсолнечника являлись стимулом для поиска новых методов селекции других масличных культур селекционерами, работавшими рядом с ним во ВНИИМК, а метод улучшающего семеноводства был принят для всех перекрестноопыляемых культур.

Трудно переоценить результаты практической селекции и научного наследия В. С. Пустовойта.

Василий Степанович Пустовойт безусловно является признанным в научном мире авторитетом у нас в стране и за рубежом. Заслуги В. С. Пустовойта высоко оценены Прави-

тельствами СССР, Болгарии, Югославии и Румынии. Он дважды Герой Социалистического Труда (1957, 1963 гг.), кавалер 3-х орденов Ленина (1956, 1957, 1966 гг.), ордена Октябрьской Революции (1971 г.), ордена Трудового Красного Знамени (1945 г.), двух орденов «Знак Почета» (1952, 1954 гг.), болгарского ордена «Георгия Димитрова» (1966 г.), Югославского ордена Золотой звезды (1966 г.) и ордена «Научная заслуга» I степени Социалистической Республики Румынии (1970 г.).

В. С. Пустовойт награжден 3 медалями: «За оборону Кавказа» (1944 г.), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970 г.). Он многократный участник Выставки достижений народного хозяйства СССР, награжден 3 большими золотыми и 5 малыми золотыми медалями ВДНХ.

Для увековечивания памяти В. С. Пустовойта учреждена золотая медаль его имени, присуждаемая ВАСХНИЛ (сейчас РАСХН), и именная стипендия для студентов Кубанского аграрного университета. Имя В. С. Пустовойта присвоено Всесоюзному (ныне Всероссийскому) научно-исследовательскому институту масличных культур, основателем которого он был.

Международным признанием заслуг В. С. Пустовойта является учреждение Международной Ассоциацией по подсолнечнику медали имени В. С. Пустовойта.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. С. ПУСТОВОЙТЕ

Дмитрий Степанович Васильев

(1925-1995)

зам. директора по научной работе

Охваченный страстью какой-то,
Пишу эти строки, как дань,
Чтоб вспомнить в судьбе Пустовойта
Какую-то новую грань.

Ходила молва по Кубани
О мастере сельских чудес...
И Горький
 с душевным вниманьем
К нему проявлял интерес.

Бывало, что Собинов дома
В семейном кругу, наяву
Тепло, мелодично, знакомо
Пел русские песни ему.

С улыбкой и взглядом умным
Не раз Пустовойт вспоминал
О встречах
 с Иваном Поддубным,
Которого дружески знал.

Он помнил, как в стенах ВАСХНИЛа,
Мечтой и тревогой тесним,
Всемирно известный Вавилов
На равных беседовал с ним.

Он жил и творил не по визам,
Но в правилах жизни его
Всегда было ярким девизом:

– Порядочность

прежде всего!

Тот счастлив, кто в суть его правил
Умом и душою проник.

Таким был Лукьяненко Павел,
Достойный его ученик.

Он верил в людей, увлеченно
Делил с ними бремя забот,
Будь это маститый ученый,
Будь это простой полевод.

Но Мальцев Терентий, конечно,
По духу был ближе других.
И можно завидовать вечно
Взаимной симпатии их.

Источники доброго чувства,
Загадки большому уму,
Наука, и спорт, и искусство –
Все дорого было ему.

Охваченный страстью какой-то,
Пишу эти строки, как дань,
И верю – в судьбе Пустовойта
Откроется новая грань.

МИНУТКИ ИЗ ЖИЗНИ ВАСИЛИЯ СТЕПАНОВИЧА

Галина Сергеевна Воскресенская
(1913-2006)

Этими воспоминаниями я выражаю свою благодарность Василию Степановичу за время, прожитое рядом с ним.

Не ошибусь, если скажу, что нам всем в то время работалось и жилось хорошо и весело.

Может быть, некий злопыхатель, прочтя мой рассказ, скажет, что не может быть у человека только одно хорошее. На это отвечу: «У Василия Степановича были очень яркие достоинства и потому серые мелочишки не выделялись и не замечались – доминантой были крупные дела».

Василий Степанович был центром всего института, его скелетом, хотя официально он был только зав. отдела селекции и семеноводства. Ни одно серьезное дело не проходило мимо него, мимо его наблюдения или прямого участия. Все советовались с ним, начиная с директора. И он говорил со всеми. И это делалось так просто и незаметно, что все считали, что они совершенно самостоятельны и равноправны с ним (завы).

Но они ошибались – во все проникало прямо или косвенно влияние мудрого человека в институте.

Будучи заведующим отдела селекции, нашим непосредственным начальником, он никогда никого не учил, не пробирал, не вмешивался в наши тематические планы. И, однако, он руководил. Как? Он просто шел впереди и всякому желающему подробно и охотно рассказывал о своей работе, не уставая повторять и напоминать: «Хочешь – учись, не хочешь, делай, как знаешь».

А результатом было то, что мы все, или почти все, работали в основном по его методике. И вышли из нас хоть и невеликие, но грамотные селекционеры с результатами.

Василий Степанович не пропускал собраний, а тем более ученых советов, и выражал определенное желание, чтобы научные работники, даже и не из числа членов ученого совета по возможности посещали их. Он считал ученые советы хорошей школой и хорошим средством научного общения. И ученые советы ВНИИМКа, как правило, были деловыми и интересными.

На ученых советах многое прояснялось и неправильное испарялось, причем ясность мышления, характерная для В. С. Пустовойта, и здесь часто помогала.

Жизнь показывает, что одно из трудных дел для крупного ученого это его отношения с дирекцией. И ученому и директору трудно. Директор должен иметь власть, и ученый так же должен иметь власть. И Василию Степановичу, конечно, тоже было трудно. Однако у него всегда было столько такта, что ни одного конфликта, выходящего за стены института, у него с директорами, кажется, не было.

Он мог ценить или не ценить директора, уважать или не уважать, но мало, кто знал о его отношениях с директором. В гости к своим директорам он тоже не ходил.

Следует сказать, что в отношении к себе лично, Василий Степанович тоже ясно и твердо определял дозволенные границы общения.

К примеру, был такой случай. В его кабинете сидело несколько человек сотрудников. Наступил час обеденного перерыва, Василий Степанович встал. Один из собеседников вскочил и, сняв пальто Василия Степановича с вешалки, держал его для него, но он холодно сказал, беря у него пальто: «Простите, я не барышня!»

Очень большое значение великий организатор В. С. Пустовойт придавал своевременному, систематично-

скому, четкому и постоянному информированию всех и особенно, конечно, всяческого начальства о результатах своей работы. И самому ему это доставляло несомненную радость.

У директора на столе всегда лежала очередная, свежая табличка с текущей информацией о подсолнечнике, научной и производственной, кроме того, что сам Василий Степанович заходил очень часто к директору и посвящал его в свои дела.

Однажды Виктор Максимович Суслов, сказал мне: «Вот о вашей работе я не знаю. Берите пример с Василия Степановича, — и поднял лежащую на столе табличку, — я всегда в курсе его работы, он заставляет жить его работой».

А вот бумажки он очень не любил и не успевал с ними справляться. Стол Василия Степановича был завален кипами бумаг разных форматов и с разными бланками; лежали толстые фолианты проектов и бесчисленные отношения; так же телеграммы и письма, в конвертах и без конвертов, и просто записочки.

Входя с поля в свой кабинет, Василий Степанович недоброжелательно косился на весь этот ворох.

Все эти бумажки обращались к нему с укором: не ответил, не написал, не составил.

Он систематически затягивал со сдачей годовых отчетов. Но когда всё-таки сдавал, то несколько дней ходил довольный и спрашивал всех: «А вы сдали отчет? Я уже сдал!».

Помню, как, зайдя к нему в кабинет, я застала такую картину: он сидит напряженно и сосредоточенно вытягивает из лежащей перед ним горки телеграмм телеграммы с синей и красной полосой.

На мой недоуменный взгляд он отвечает: «Да вот выбираю правительственные и министерские поздравительные телеграммы — на них я должен обязательно ответить. Получать приятно, — добавил он добродушно, — а вот отвечать...» — и махнул рукой.

Но над всей кучей бумаг у него обычно лежали текущие таблички, недавно принесенные из лаборатории, а вот их он рассматривал постоянно.

Если они как-нибудь «тонули» под другими бумажками, он их находил и снова располагал над ними.

Иногда, пораженный угрызениями совести, он обрекал себя на день и два на писание бумажек. Но, если в эти дни к нему заходили, он очень был рад оторваться от нудного дела и весело вступал в разговор, хотя бы о погоде.

Василий Степанович не любил говорить обще – у него на все были цифры и факты. Он знал мировые площади под главными культурами и тем более по Союзу; знал, сколько пашни и прочее и прочее – он как бы думал цифрами. А о своём подсолнечнике и говорить нечего – все было в голове и все со смыслом, для чего-то каждая цифра была нужна, с чем-то она в уме сочеталась. А что может быть доказательнее цифр, толково используемых?

Организация, экономичность и результативность тесно связаны между собой. И это все было отличительным свойством работы Василия Степановича. Все выражалось цифрами и заключалось результативностью, сводилось к практике обязательно. Вне практики науку он не принимал. Все было высчитано заранее и определено, какой будет практический эффект и стоит ли этим заниматься или нет. В частности, он гордился, что экономно тратит на науку государственные средства. К своим же личным денежным делам он относился довольно небрежно; во всяком случае, мы все наблюдали, как несколько раз выписанные брёвна на постройку дома у него на глазах сгнивали, и он выписывал новые, и те тоже сгнивали, и это его не очень трогало.

И все он подсчитывал. Однажды как-то он нам селекционерам сказал: «Я подсчитал, что на 1000 лет вперед оплатил научную работу всего нашего отдела. Так что не переживайте, если будут неудачи, мы да-

ром хлеб не едим у государства. Первые 10 лет я ничего не давал, но меня не сократили, и, кажется, не ошиблись?» – и он улыбнулся.

Василий Степанович очень внимательно относился к нуждам лаборантов и рабочих своей лаборатории. Они были засыпаны премиями по семеноводству, премиями за сорта, снабжены квартирами и прочее. Со всеми из них он был предельно вежлив и даже дружен, в отношениях не было никакой формальности, но неизменная приветливость. Одни и те же лица работали у него, можно считать, всю жизнь.

И что замечательно: как и во всем, в обязанностях рабочих проглядывала та же ясность и организованность. Принцип был таков: рабочие были научены отдельным специфическим работам и всегда их выполняли, чем и определялась высокая точность работы. Одни умели браковать, другие – проводить сортопрочистки, третьи – вести фенологию, четвертые – учитывать урожай, некоторые операции все должны были уметь делать. Все это, повторяю, определяло высокую точность работы. Работа подбиралась даже по характеру. Технику селекционного процесса они знали «на зубок». Они работали всю жизнь, были ловки, умелы и преданы делу, которое высоко ценили.

Василий Степанович никогда не забывал своих помощников. Особенно это касается отдела биохимии. Он любил биохимиков, ценил их труд и считал их соавторами своих сортов. Надо брать пример с него и в этом отношении!

Первый раз я увидела Василия Степановича в 1943 году, когда поступила в институт.

Ко мне подошел высокий, худой, жилистый казак с твердыми ясными глазами и спросил: «Вы зачислены в отдел селекции?». Я ответила утвердительно. Он ничего больше не сказал и пошел своей дорогой. Я поняла, что это Василий Степанович, но не сразу поняла, что он делает мне замеча-

ние в том, что я не представилась ему как своему начальнику.

После этой маленькой встречи первого знакомства навсегда у меня остался страх перед ним.

Уж очень я себе казалась маленькой и как работник — недоделанной.

Василий Степанович не приказывал, но его желание для меня например, всегда было обязательным.

Однажды зашел к нам в лабораторию Василий Степанович и как бы между прочим сказал: «Возьмите, Галина Сергеевна, студента Тимирязевской академии немца на лето. «О, нет, Василий Степанович, я боюсь ответственности и недолюбливаю после войны немцев». «Почему? Немцы — хороший народ, и работать умеют, не пожалеете. Берите».

Эти слова были уже приказом. Я больше не возражала, и Василий Степанович, как всегда, оказался прав. Студент Губерт работал отлично и за два года написал дипломную работу, почти равную кандидатской диссертации. Губерт стал мне близким человеком, и по отъезде его в ГДР мы некоторое время еще переписывались.

Весна. Лето. Осень. Раннее утро. Группами собираются селекционные лаборатории: подсолнечник, клещевина, арахис, горчица, кунжут, лен, кориандр. Ждут автобуса ехать в поле. Около селекционного склада, где собираемся, длинная деревянная скамейка. Очень часто первым на неё садится Василий Степанович. Идет беседа о погоде, о всходах, об уборке и т. п. Часто он прохаживается от группы к группе, заложив руки в карманы; лицо спокойное — гуляющего человека. Потом мы уезжаем в автобусе, а он в своей машине.

Он регулярно, ежедневно, без пропусков многие годы каждое утро выезжает в поле, объезжает все поля, внимательно смотрит на уравнильные поля пшеницы.

Заметно, как он радуется солнцу, воздуху, полям. Как будто совершает прогулку, а дело, по щучьему велению, само делается.

После обеда он с нами не выезжает, а отдельно, когда это ему надо: уборка, экстренный случай.

Все делается неторопливо, спокойно.

Часто долго-долго стоит он посреди поля один. Стоит так, походит и едет дальше.

Я не помню, чтобы он хоть раз ездил в санаторий, в туристическую поездку, бродил по музеям; даже в наш пансионат (в пос. Джубга) он ездил только в конце жизни, и то не больше, как на недельку. Все это ему было скучно.

Но совсем другое дело – поездки по Кубани. Они были постоянны. Он ездил смотреть свой подсолнечник и устраивать «его» дела, выполнял ответственные поручения Высших краевых органов и смотрел Кубань, еще и еще раз дышал ее степями, её полями, её жизнью.

Но не все было и гладко. Всяко бывало. А что переживал Василий Степанович, того мы не знали, но надо думать, что ему часто было очень трудно, обычно это наружу не выходило, но бывало так, что и выходило. Было, например, дело с Автономом Ивановичем. Был такой каверзный человек, который самостийно начал заниматься в институте селекцией на каких-то высочайших биологических основах. Василий Степанович долго молчал, а А. И. делался все нахальнее, поддерживаемый кое-кем из начальства. И вот Василий Степанович потребовал разбора дела на ученом совете. Состоялся совет, и когда была изложена суть дела, и А. И. просил совет узаконить в институте его работу с подсолнечником, то Василий Степанович сказал так: «В Союзе 20 точек по селекции подсолнечника, и я, если хотите, поставлю Вас на любой из этих точек главным и дам вам полную свободу проверять и утверждать вашу теорию, но здесь в институте вы не останетесь, или же уйду я».

Всем нам было обидно, что среди нас нашлась моська, которая залаяла на Слона. Обидно было, что разбирается такое дело.

Ученый совет единогласно просил удаления А. И. из института. Так и было сделано.

С честным соперником Василий Степанович поступал честно, воров же резко выводил на чистую воду.

Был у Василия Степановича талантливый ученик (имел селекционный глаз) – Василий Иванович Щербина. Тихий, простой человек из казаков. Работал он на Армавирском опорном пункте, и настолько хорошо работал, что сорта его по площадям не только шли рядом, но даже теснили сорта Василия Степановича, особенно сорт Армавирский 3497.

Василий Иванович считал себя обиженным: мол, вся слава Василию Степановичу, а мне только деньги за сорта. И кое-кто поддерживал Щербину в таких мыслях. Но Василий Иванович был не прав.

Однако кто бы на его месте был более объективен. И Василий Иванович всё таки был не прав, ибо он не был ни организатором направления селекции на высокое масло, ни создателем методики селекции подсолнечника, ни организатором всех производственных дел с подсолнечником в масштабе Союза, он был только делателем сортов на основе точного выполнения (и в этом нет ему равных) всех основ селекции подсолнечника, разработанных Василием Степановичем.

Фактическим доказательством всего этого является то, что, когда прекратилась организующая роль В. С. Пустовойта, все дело с подсолнечником в Союзе пошатнулось: там не предвидели, там ошиблись, там не учли.

Но обоих селекционеров уже нет. И да будет им земля пухом!

Сильные переживания принесла Василию Степановичу и «лысенковщина», хотя повредила она ему и его делу в

очень малой степени, может быть, даже и совсем не повредила.

«Лысенковщина» лютовала, как опричина Ивана Грозного. Опричники Лысенко были люди жестокие и безнравственные (Президент и другие). Вакханалия в науке продолжалась довольно долго. Кафедры и институты закрывались, инфаркты уносили ученых преждевременно в могилу. Враньё в науке достигло ужасающих размеров. Но надо сказать, что в самих идеях Лысенко было рациональное зерно: поход за простор мышления, за практику в биологической науке, за ее результативность. И по последнему принципу Василий Степанович попал в «лысенковцы». Лысенко пред ним заискивал, он видел в В. С. Пустовойте осуществление того, чего он желал и не мог достигнуть со своими опричниками.

Имея всяческое расположение к себе Лысенко, Василий Степанович попал в трудное внутреннее положение. Он категорически был против узурпаторства Лысенко, когда гибли умы и дела.

Он всегда четко и ясно выражал свое научное отношение к тому или иному «лысенковскому» предложению, когда его об этом спрашивали (о травах, о кормах и т.д.), но, пожалуй, при всем том ему были близки идеи Лысенко. Совестью же научной во вред хозяйству страны или края он не кривил и даже однажды сказал после возвращения с крайкомовского совещания: «А Павел Пантелеймонович полез под стол...». Это надо было понимать, что П. П. пришлось поступиться своей совестью.

Я пришла к Василию Степановичу и с задором молодости заявила: «Василий Степанович! Можно ли спокойно относиться к тому, что делается? Сильные не пытаются ничего изменить и помочь властям разобраться! Как это назвать?».

Василий Степанович, видимо, много раз все это обдумавший, еще раз задумался, и я чувствовала, что не мне он отвечал, когда сказал: «Что ж, сгореть на костре это просто, а кто будет восстанавливать науку?». Я потихоньку вышла.

Василий Степанович не защищал докторской диссертации и ничего не просил за занавесками Академии. Он как бы говорил: «Хотите – давайте, это мне приятно, я человек, и это мне поможет в работе, не хотите – не давайте, но я не участник в театре защиты. Я этого не могу, а кто может, тому и полезно будет».

И все ему было дано Правительством.

Правительство знало шестым чувством, что биология – наука более трудная, чем физика, потому что она живая.

Василий Степанович как-то говорил мне: «Вы прежде сделайте само дело, создайте, что задумали, а потом уже «кружева». И он сделал пальцами некое легкое и неопределенное колебательное движение.

Смею сказать, что путь Василия Степановича был таков: «Проблемная гипотеза, как же без нее, потом блеск и свет практики, и теория становится на место гипотезы. Закончено, но теория более гипотезы, ибо в ней есть еще и нечто невыразимое, и глубокое, и индивидуальное, которое в теории заменяется «кружевами».

Самое трудное – изложить теорию селекции перекрестноопыляющихся растений, созданную академиком В. С. Пустовойтом.

Для этого надо знать растение вообще, как знал его Василий Степанович, иначе остается одна схема и принципы, а этого мало.

Но я не знаю так растения, и потому мне не справиться с этой задачей. Это сделает когда-то и кто-то другой.

Я только подчеркиваю, что простота и понятность в селекции Василия Степановича кажущаяся.

И это обязательно обнаружится когда-то, с ростом науки о растениях.

Во всей работе В. С. Пустовойта просвечивается обязательность осторожности, почти нежности в отношении к объекту работы, ибо он живой.

Нельзя принуждать живой организм к «бешеным скачкам», к какой-то «истерии». Надо постепенно, нежно формировать растение, почти как дитя.

Да, Василий Степанович был не маляр, он был художник. У него в селекции не было мелочей.

Например, был у Василия Степановича старенький сорт – уже «пенсионер» – А-41, но он нес всю сумму исходной информации его сортов. Василий Степанович имел к нему почет и уважение. Почему? А потому что селекционеры, не имеющие такого «пенсионера», могут упасть в самообман о результатах своей селекции.

Ибо, как это ни странно на первый взгляд, но сравнение только с предыдущим сортом чревато ошибками: процентовали, процентовали, а не заметили, как все перепортили. Вот пример хотя бы с кукурузой. Увлечлись гетерозисом, потратили много сил, а как сравнили с популяцией 49, последние гибриды с этой «старушкой», так и стали чесать затылок.

А у Василия Степановича и «пенсионеры» в почете. Параллельно с собственной селекцией у него шла работа по улучшающему семеноводству. Это было и есть как бы второе крыло единого процесса селекции подсолнечника.

Термин «улучшающее семеноводство» Василий Степанович заимствовал у Лысенко и нередко это подчеркивал.

Однако Лысенко бросил в жизнь этот термин, как многие другие, не насытив его содержанием и ничего не доказав. Василий Степанович наоборот сначала создал содержание, а потом увенчал это содержание понравившимся ему термином.

Улучшающее семеноводство – захватывающая научная проблема, где идет сочетание положительных сторон массового отбора (богатство наследственной основы) с положительными сторонами индивидуального отбора (оценка по потомству).

Улучшающее семеноводство раздвигает границы селекции. Это также доказал Василий Степанович, который улучшающим семеноводством все время держал старые сорта на уровне новых, хотя они давно переросли свои исходные показатели и по существу являлись новыми сортами.

Идею улучшающего семеноводства селекционеры института, хотя и не сразу, но всё же все «перетаскивали» и на свои культуры. И получилось хорошо. Всем нужно это могучее второе крыло селекционного процесса.

Всею своей работой Василий Степанович учит не спешить брать на вооружение первое модное направление науки. Он учит думать, все брать «на зубок».

Ну, важно и то, кому повезет встретить на своем пути крупного ученого, настоящего. Но тут уж как повезет, иной числится крупным и хвалёным, а пустой, временный, на всю жизнь не хватает.

И еще учит В. С. Пустовойт своей работой, что надо любить то, что делаешь, и крепко любить, тогда и думать о ней будешь много и додумаешься до чего надо.

Любить работу надо обязательно так, как любил Василий Степанович. Он был романтиком и в жизни, и в работе, он был настоящим человеком, он любил настоящую жизнь.

Первые проблески осени жизни. Богатое время сбора урожая. Плоды созрели. Изобилие. Василий Степанович вступил в пору изобилия результатов, в пору изобилия славы.

Слава от иностранцев, слава от своих, степени, звания, ордена, гласность, непререкаемый авторитет, статьи, книжки.

Василий Степанович был по-прежнему спокоен, но доволен.

И вот прошло пятьдесят лет селекции подсолнечника. Создана новая культура – высокомасличный подсолнечник, содержащий масла в семенах не 28-30 %, а 50-55 %, урожайный, здоровый.

К этому времени были открыты двери за границу, и сорта Василия Степановича пошли в другие страны, вплоть до родины подсолнечника – Америки.

Оказалось, что ученые за рубежом под множеством лысенковских небылиц «прозевали» работу В. С. Пустовойта. Впрочем то, что они прозевали, и то, что мы долго не обменивались с миром семенами, дало возможность Василию Степановичу монополюбно вести свое дело, т. е. время работало на него.

Иностранцы вдруг увидели сразу все. И то, чему бы они не очень удивились, если бы имели результаты работ В. С. Пустовойта из года в год, теперь их необычайно поразило.

Иностранные ученые поспешили в Советский Союз в гости к удивительному Пустовойту.

Василий Степанович делегациями не тяготился, но и не увлекался, частенько, как бы про себя, ухмылялся. Вероятно, своим острым взглядом он видел среди них немало и «профессоров кислых щей».

Церемония приема делегаций была единая, общесоюзная. Сначала был период ожидания: собирались те, кто должны были присутствовать при приеме. Этот период был скучным, поглядывали в окна. Василий Степанович даже старался развлечь всех.

Однажды, например, он дружески похлопал по плечу А. Я. Панченко (зав. отдела физиологии) и сказал: «А так умеете!?» – и моментально стал на руках головой вниз.

Скажу кстати, что Василий Степанович, будучи в душе спортсменом, закономерно имел склонность и к цирку. Ему брали билет, и он смотрел программу сначала до конца.

Встречал иностранцев Василий Степанович и директор. Знакомились, проходили в зал заседаний.

Там Василий Степанович рассказывал через переводчика о своей работе, и потом все ехали в поле, и там тоже шел ученый разговор, после чего следовал или отъезд делегации, или обед.

И так много раз было.

Те, кто приезжал к академику В. С. Пустовойту, наши или заграничные, одновременно посещали и друзей Василия Степановича: академика П. П. Лукьяненко и академика М. И. Хаджинова.

Большая мужская дружба основывалась на уважении друг к другу, на общности интересов, и на человеческой порядочности этих трех людей.

Внешне они были очень разные: Василий Степанович – худой и длинный, Павел Пантелеймонович – крупный, плотный и молчаливый, Михаил Иванович – маленький, горячий.

Они прошли рядышком долгую и большую жизнь и объединяли в своей дружбе как бы три основные кубанские культуры: пшеницу, подсолнечник, кукурузу.

Они хорошо покормили страну маслом и хлебом и вместе с другими защитили от врагов честь советской науки.

В 70 лет Василий Степанович еще был прямой, быстрый, энергичный, жизнерадостный.

Как-то встретив меня во дворе института, он сказал: «Не горбиться! Держитесь вот так, как я: прямо, прямо! Вот так!».

Первым наследником Василия Степановича как бы определялся жизнью – Саша Гундаев, молодой, умный, видный, с прекрасным ясным лицом и большим, освещающим

лицо лбом – Тимирязевец. Скоро он стал уважаемым Александром Ильичем. О нем писали в газетах, как о талантливом ученике Василия Степановича. Было время, когда молодой Гундарев был просто влюблен в Василия Степановича.

И вот все оборвалось. Гундарев уехал в Москву и стал паркетным ученым третьего разряда.

В чем всё дело мне неизвестно, но главное, что в институте его не стало, а Василий Степанович все молчал.

Много времени спустя в разговоре о деле, как бы между прочим, Василий Степанович сказал: «Как вы смотрите на то, что я собираюсь взять к себе в лабораторию Тамару Григорьевну Плытникову? Наследницей? – спросила я и добавила, – но ведь она женщина». «Ну что же, что женщина. Женщины тоже умеют работать. Она способная». «Да, она способная, но я все же не представляла того, что Вашим приемником будет женщина».

На этом разговор кончился. Вскоре Тамара Григорьевна стала главным человеком в лаборатории подсолнечника.

Впрочем, выбрал ее не Василий Степанович, а увлекающаяся дочь его – Галина Васильевна.

Надо сказать, что с некоторых пор у Василия Степановича стала проявляться старческая неуверенность в себе. Однако Т. Г. после смерти Василия Степановича, немного поработав с неприятностями для себя и института, вынуждена была уйти из института.

К 80 годам у Василия Степановича стали сдавать ноги. Он стал ходить медленно-медленно.

И так не хотелось, чтобы он ходил медленно. Кто работал около Василия Степановича, был всегда на подъеме, заряжаясь его энергией, жизнерадостностью, деловитостью.

Потом стало ослабевать зрение, но газеты пытался читать, хотя бы через лупу, или скажет секретарю: «Прочтите, Евдокия Ивановна, мне передовицу» (это было за год до смерти).

И вот Василий Степанович слёг смертельно. Последние две недели он жил на искусственном питании, на кислородных подушках, слепой.

Перед смертью он сказал Галине Васильевне: «Когда это случится, наденешь мне все ордена».

Последние дни в забытии он звал Сергея Владимировича Рушковского. Это было несколько раз, а в последний раз вспомнил брата Евгения и опять Сергея Владимировича. Он говорил: «Иду к вам! Уже тороплюсь! Иду к вам!».

Смерть наступила 11 октября 1972 года в 10 часов вечера. 12 октября тело было в морге, и там дежурил А.Б. Дьяков. Я узнала о смерти Василия Степановича 12-го.

Мы знали, что дни Василия Степановича сочтены, но от тяжелого известия тоска и тяжесть легли на душу.

День похорон был солнечный, тихий, ясный и теплый. Все сотрудники института были с траурными повязками. Почетный караул из старшего состава института и других организаций и других официальных лиц.

Вечером позвонил Анатолий Яковлевич Панченко, зам. директора ВНИИМК, выражая своё горе. Я ответила ему: «Мы хоронили сегодня с Василием Степановичем весь старый ВНИИМК, всех сразу, и все традиции, всех его людей вместе – старого ВНИИМКа больше нет, ибо нет его скелета и вдохновителя. Будет, может быть, что-то очень хорошее, но это будет уже не ВНИИМК В. С. ПУСТОВОЙТА».

Анатолий Яковлевич со мной согласился.

Но не будем кончать рассказ о жизни романтика его смертью. Лучше всего закончить рассказ словом академика П. П. Лукьяненко в день 85-летия Василия Степановича Пустовойта: «Скажу по-кубански, от Кубани, которую он любил и прославил:

**«ХАЙ ЖИВЭ ДОБРА ПАМЯТЬ О ДОБРОМ ЧОЛОВИКИ,
ВАСИЛИИ СТЕПАНОВИЧЕ ПУСТОВОЙТЕ».**

В. С. ПУСТОВОЙТ – Агроном, Ученый, Человек

Александр Борисович Дьяков

Василий Степанович Пустовойт получал агрономическое образование в то время, когда агроном на селе должен был быть специалистом широкого профиля. Поэтому в «Круглике» он мог не только проводить сортоизучение, но и заниматься селекцией и семеноводством основных полевых культур Кубани, разрабатывать технологии их возделывания, рекомендовать способы защиты посевов от болезней и вредителей, вести племенное животноводство. Во время гражданской войны он даже с риском для своей жизни спас племенных коней. Как и другие агрономы тех времен, он прогнозировал погоду и был доволен, когда его предсказания погоды оказывались более точными, чем прогнозы профессора А. И. Носатовского. У Василия Степановича была своя система профилактики болезней. В частности, он рекомендовал полоскать полость носа раствором мыла для предотвращения респираторных болезней. Его обширные знания, навыки и умение адаптироваться в трудных ситуациях оченьгодились в то время, когда после ареста его в составе группы заключенных ученых-аграрников привезли в казахскую степь, где вблизи Караганды создавался лагерь НКВД. И когда его товарищи по лагерю уже считали себя обреченными на гибель, В. С. Пустовойт построил крытую дерном землянку и показал другим, как это делать.

Многие факты свидетельствуют о том, что В. С. Пустовойт оставался по призванию агрономом даже после самого широкого признания его заслуг как выдающегося селекционера. Например, он требовал, чтобы его привозили на селекционные посевы даже во время болезни, и когда при осмотре делянок попадался случайно не удаленный сорняк,

он пытался наклониться и вырвать его, хотя сам шел с трудом, и его поддерживали двое сотрудников. С первых лет работы в «Круглике» и до последних лет жизни Василий Степанович сам определял достаточную для скирдования степень высыхания сена люцерны по характерному потрескиванию при скручивании руками пучка сена. Когда же он ослабел настолько, что его нельзя было везти на поле, близко знавшие его сотрудники специально собрались, чтобы обсудить, как не обидеть Василия Степановича сообщением, что решение о начале скирдования сена будет принято без его участия.

В. С. Пустовойта всегда интересовали агротехнические приемы повышения продуктивности возделываемых в крае полевых культур, он стремился выяснить, по каким причинам не полностью реализуются наследственные потенциалы сортов, проявляя при этом необычную наблюдательность. Однажды, когда я ехал с ним по пыльной полевой дороге, он спросил у меня, не изучали ли физиологи, насколько страдают растения подсолнечника, покрытые толстым слоем придорожной пыли. Я ответил, что такие исследования мне не известны, но индийские ученые рекомендуют для повышения урожайности подсолнечника опрыскивать растения суспензией рефлектанта – белой глины (каолина). Василий Степанович возразил: «Но там тонкий слой белого порошка, а здесь толстый слой серой пыли». Говорил он это с таким состраданием, как говорят о больном человеке.

У меня есть основания считать, что глубокие познания Василия Степановича в области растениеводческих проблем выращивания полевых культур явились важной предпосылкой его успехов в селекции подсолнечника, яровой и озимой пшеницы, ячменя, проса, кукурузы, ржи. Об этом свидетельствует такой факт. Я перевел с немецкого статью «Селекция растений и физиология растений», в которой автор доктор

Шик, сообщая о результатах проведенного им обследования, пришел к выводу, что эффективно работающие селекционеры — это в большей степени хорошие растениеводы, чем генетики, а из генетических учреждений вышло мало сортов. Василий Степанович прочел этот перевод и сказал мне, что выводы доктора Шика совершенно верны.

Василий Степанович не ограничивался заботами о делах опытного хозяйства и большими объемами выполнявшихся им работ по селекции и семеноводству сортов подсолнечника. Для него был характерен ярко выраженный государственный подход к решаемым проблемам. Эффективность работы как своей, так и сотрудников института он оценивал с точки зрения того, в какой мере получаемые результаты могут способствовать увеличению выходов масла из-под прессов всех маслозаводов Советского Союза. Поэтому он получал большое моральное удовлетворение при сообщениях об успехах масложировой промышленности, об увеличении производства растительного масла в стране. Василий Степанович подсчитал, что в результате создания и улучшения сортов подсолнечника в СССР производилось такое количество масла, для получения которого при возделывании старых сортов надо было бы засеять ими дополнительную площадь, равную всей площади пашни целой страны Венгрии, а также построить еще 15 маслозаводов, равных по мощности Краснодарскому МЖК. Он попросил также меня подсчитать, в какой мере увеличилось производство белка семян подсолнечника за годы его работы с этой культурой.

В 1956 году на всех делянках старого сорта Круглик А-41 моего полевого опыта растения подсолнечника в сильной степени поразились заразой. Когда это увидел Василий Степанович, и я сказал ему, что поразились делянки только этого сорта, он чрезвычайно разволновался и спросил у меня, можно ли ему сослаться на данные моего опыта.

Объясняя причину своего волнения, он сказал, что этот факт является доказательством того, что заразила расы Б не пропала, значит сорта подсолнечника селекции ВНИИМК продолжают обеспечивать большую прибавку урожая за счет устойчивости растений к этой расе патогена.

Каждый раз, когда в институт поступал свежий номер журнала из США *Journal of the American Oil Chemists Society*, его сразу же передавали переводчику с требованием срочно перевести на русский язык очередной обзор о конъюнктуре мирового рынка растительных масел и масличного сырья. Все знали, что Василий Степанович с большим удовлетворением читал прогнозы зарубежных экспертов о том, какое количество излишков подсолнечного масла сможет экспортировать Советский Союз. Для него эти прогнозы являлись высшей оценкой работы селекционера, который не только внес решающий вклад в обеспеченность страны растительным маслом, но и оказывает большое влияние на состояние мирового рынка растительных масел.

Важнейшей мотивацией деятельности Василия Степановича, основным стимулом его творчества являлось стремление не только превратить подсолнечник в высокопродуктивную полевую культуру, но и сделать все возможное для максимально полной реализации селекционных достижений в сельскохозяйственном производстве и обеспечении высокой эффективности масложировой отрасли страны. Ради достижения этих целей он принимал такие решения, которые отрицательно влияли на его личное материальное обеспечение даже в такие периоды, когда семья переживала трудные времена. Несомненным свидетельством этого явилось принятое им в 1945 году решение начать работы по улучшающему семеноводству сортов подсолнечника. Обоснованием этой работы было стремление Василия Степановича значительно сократить сроки внедрения селекционных достижений в производство. При этом для него не имело значения то об-

стоятельство, что, улучшая старые сорта, он сам перекрывал себе возможности становиться автором многих новых сортов.

С целью реализации принципа оценки эффективности своей работы по степени воздействия на конечный результат — количества производимого в стране масла — Василий Степанович прослеживал звенья всей системы от отбора выдающихся генотипов подсолнечника до производства масла на заводах. Чтобы в кратчайшие сроки внедрить достижения селекции и улучшающего семеноводства в производство, он предложил систему ежегодного сортообновления и добился ее осуществления сначала на Кубани, а затем в стране. Для получения семян с высокими посевными и урожайными качествами он разработал специальные технологии выращивания и уборки семян подсолнечника на всех семеноводческих посевах, включая даже рекомендации по переоборудованию комбайнов для уменьшения количества обрубленных и травмированных семян. Им были рекомендованы меры материального стимулирования колхозов и совхозов, обеспечивающие их заинтересованность в выращивании наиболее высокомасличных сортов. Когда было установлено, что причиной снижения всхожести семян является хранение их в складах насыпью, Василий Степанович добился принятия правительством СССР постановления о передаче мешков от кубинского сахара в колхозы и совхозы для обязательного хранения семян подсолнечника только в мешках.

Когда после обильных осадков во время созревания оказалась сниженной всхожесть выращенных институтом семян подсолнечника, Василий Степанович сам изыскивал возможности повышения их всхожести. Он обнаружил, что потеряли жизнеспособность преимущественно прикрытые листочками оберток семянки самых краевых зон корзинок вследствие более длительного сохранения влаги под оберткой после дождя. В сложившейся ситуации он предложил

производить сортировку семян так, чтобы удалять самую крупную фракцию, поскольку семянки наибольших размеров формируются в краевой зоне корзинки. Таким способом удалось повысить всхожесть семян до допустимого уровня.

Самое выдающееся достижение В. С. Пустовойта — превращение подсолнечника в высокопродуктивную масличную культуру — было бы невозможным без двух предпосылок: определения правильного направления селекции и разработки эффективной ее методики. Судя по содержанию его статей, решение этих проблем базировалось на удивительном для того времени ясном понимании принципов популяционной генетики и теории отбора. В частности, с первых испытаний потомств при отборах на содержание масла в семенах опыты закладывались парным методом. С момента создания в 1917 году первого сорта № 7-15-136 элиту Василий Степанович отбирал из лучших собственных сортов последнего выпуска, а это важнейшая основа метода селекции, разработанного через четверть века в США и названного периодическим отбором (рекуррентной селекцией).

Однако знания общих принципов было недостаточно для выбора верного направления селекции и конкретных методов его реализации. Их разработка явилась итогом многолетних целеустремленных исследований. Осложнялись эти поиски скептическим отношением к такой работе ряда ученых, в том числе академика Тулайкова, профессора Успенского, которые на основе господствовавшей многие годы теории антагонизма биосинтезов жира и белка утверждали о бесперспективности селекции подсолнечника на повышение масличности и увеличение сборов масла с гектара. Например, Успенский писал, что такое направление селекции должно привести к увеличенной площади листьев у растений для образования большего количества ассимилятов и к уменьшению размеров корневых систем для ослабления по-

глощения азота, поэтому подсолнечник станет незасухоустойчивым и нежизнеспособным.

Несмотря на такие прогнозы, Василий Степанович проводил трехлетние циклы изучения эффективности различных вариантов направлений и методов отборов, хотя в первые годы с 1912 до 1925 года все изученные варианты не обеспечивали увеличения сборов масла с делянок испытаний потомств отбираемых растений. Только вариант опыта, начатого в 1925 году, завершился успехом в 1927 году, а созданный при этом сорт подсолнечника Круглик А-41 явился первым доказательством правильности выбранного направления и метода селекции. Эти 15 лет работы с подсолнечником Василий Степанович называл «периодом исканий». Он неоднократно вспоминал о большом объеме и сложностях этой работы, когда приходилось писать отзывы на рукописи статей с умозрительными, не проверенными по конечным результатам предложениями об изменениях направлений селекции подсолнечника.

Еще в то время, когда отборы на повышение масличности семян и увеличение сборов масла были наиболее успешны, Василий Степанович думал о перспективах использования разработанных им методов селекции и улучшающего семеноводства сортов подсолнечника. Считалось, что эти методы станут неэффективными после достижения биологического предела масличности, который, безусловно, должен быть ниже 100 %. Поэтому в 1958 году была поставлена задача выяснить причину и уровень этого предела, а также определить, каким должно быть направление селекции подсолнечника после достижения этого предела. Мне предложили включиться в выполнение программы этих исследований летом 1959 года, когда я работал на кафедре растениеводства Кубанского сельхозинститута. Поэтому еще за полгода до поступления в аспирантуру я смог изучить обширную литературу по этой теме и смежным проблемам, что

помогло мне выбрать правильное направление исследований. Важной предпосылкой успеха было также то, что объектом сравнительного физиологического изучения были сорта подсолнечника, созданные В. С. Пустовойтом в разные периоды его работы. Сопоставления характеристик этих сортов и особей популяций с использованием математического моделирования позволили установить, что в процессе селекции сборы масла возрастают строго пропорционально увеличению урожаев собственно семян (ядер семян) и числа запасующих жир клеток в них. За счет эффекта «ростового разбавления азота» это приводит к закономерному повышению масличности ядер семян в соответствии с формулой гиперболы. Из этих результатов следовали важные для Василия Степановича выводы. Во-первых, отвергались обвинения в том, что разработанные им методы непригодны для селекции на урожайность. На самом деле происходит маскируемый снижением урожаев лужки рост урожайности собственно семян. Это сопровождается снижением процента белка в них в том же соотношении, как и при селекции зерновых культур, и также не изменяется общая биомасса с единицы площади посева. Во-вторых, обусловленное снижением белковости повышение процента масла по гиперболе означало, что предел масличности, равный проценту масла в безазотистой фракции семян, в принципе недостижим, поэтому использование при селекции и семеноводстве подсолнечника методов В. С. Пустовойта позволит повышать сборы масла за счет увеличения урожаев ядер семян еще очень долгое время при все более замедленном приближении масличности семян к пределу.

После того, как неоднократная строгая проверка на зашифрованных экспериментальных данных подтвердила правильность этих выводов, Василий Степанович постоянно приглашал меня на все совещания по подсолнечнику. Еще более детальную информацию о его оценках высказываний и

предложений разных авторов я стал получать после того, как он доверил мне формулировать рецензии на рукописи статей по селекции и семеноводству подсолнечника, которые присылали ему редакторы журналов и сборников. Василий Степанович читал рукопись, сообщал мне свое мнение, а я излагал это мнение в виде текста рецензии. В тех случаях, когда, по мнению Василия Степановича, в таких статьях искажались особенно важные принципы работы с подсолнечником, содержались необоснованные предложения об изменениях направлений его селекции, мы писали в ответ свои статьи с обоснованием своих позиций.

В эти годы уже никто не ставил под сомнение правильность селекции подсолнечника на усиление маслообразования в семенах. В то же время выражали сожаление по поводу снижения процента белка в семенах по мере повышения их масличности, полагая, что это приводит к уменьшению вклада подсолнечника в белковый баланс страны. Еще чаще писали о том, что разработанные академиком В. С. Пустовойтом методы пригодны для селекции подсолнечника на повышение урожайности и что они скоро станут совсем неэффективными вследствие достижения предела масличности семян. Поэтому предлагались новые направления селекции подсолнечника как на повышение процентного содержания белка в семенах, так и разные методы его селекции на урожайность.

Предлагавшиеся авторами рукописей, приславшихся на рецензирование, различные изменения направлений селекции подсолнечника можно объединить в следующие группы. Во-первых, высказывалась необходимость отборов на признаки, определяющие способность растений больше создавать и эффективней использовать продукты фотосинтеза (повышать его интенсивность, увеличивать площадь листьев, обеспечивать их вертикальную ориентацию, сокращать расходы ассимилятов на дыхание, полнее их ис-

пользовать на формирование урожая семян). Во-вторых, авторы утверждали, что невозможно повышать в процессе селекции урожайность, если не вести отборы на увеличение отдельных элементов структуры урожая: числа корзинок на растении, числа цветков в корзинке, крупности семян, их числа в корзинке, приспособленности к более высокой густоте посевов, а также на снижение пустозерности, обеспечение выполненности центра корзинки. Предлагалось также вести отборы на увеличение размеров корневых систем.

В основе третьей группы предложений об изменениях методики селекции подсолнечника лежало представление авторов о том, что барьером для роста урожайности этой культуры является истощение наследственной изменчивости и проявление инбредной депрессии вследствие использования близкородственного исходного материала. Поэтому сторонники этой точки зрения предлагали использовать при селекции сортов или свободное переопыление разнообразных форм подсолнечника, или переход на использование в качестве исходного материала генофонда коллекции ВИР, или вовсе прекращать селекцию сортов-популяций и вести селекцию межлинейных гибридов.

Наряду с умозрительными, необоснованными утверждениями о непригодности методов В. С. Пустовойта для селекции подсолнечника на урожайность в подтверждение такого мнения приводились и факты. Во-первых, В. К. Морозов и С. Н. Щербак сообщали о результатах своих исследований, свидетельствовавших об очень низкой надежности оценок урожайности семей потомков элитных растений подсолнечника при их испытаниях на однорядных делянках. Во-вторых, ссылались на итоги многолетних экспериментов в США, в которых не удавалось повышать урожайность кукурузы при селекции ее сортов методом початкорядного отбора, похожего на метод «половинок» («резервов») В. С. Пустовойта.

Василий Степанович отвергал все утверждения о неэффективности для повышения урожайности подсолнечника методов селекции и улучшающего семеноводства сортов, успешно использовавшихся многие годы. Важным подкреплением этой позиции явилось обнаружение чрезвычайно высокой, почти функциональной генотипической корреляции между урожаями ядер семян и сборами масла. После этого он говорил и писал в статьях о необходимости внести ясность в понятие продуктивности подсолнечника, так как довольно часто его трактуют неверно, считая, что при явных успехах селекции на высокую масличность современные сорта якобы не имеют преимуществ перед старыми по урожайности. На самом деле происходил рост продуктивности сортов в процессе селекции, на что указывает заметно возросший (на 44 %) урожай ядра семени, то есть той части, из которой получают масло и белок. Академик П. П. Лукьяненко также подтвердил, что этот факт свидетельствует об аналогии селекции на урожайность подсолнечника и пшеницы за счет увеличения доли полезной части в общем урожае надземной биомассы.

Перечисленные выше предложения об изменениях направлений селекции подсолнечника Василий Степанович воспринимал с возмущением вследствие того, что авторы не утруждали себя проведением специальных исследований с целью выяснения степени конечной результативности предлагаемых ими направлений и методов селекции. При этом он вспоминал, какой большой объем исследований пришлось ему выполнить за 15 лет периода исканий для разработки эффективного метода селекции подсолнечника, пока не добился реального повышения сборов масла. Особенно резко реагировал Василий Степанович на статьи с рекомендациями таких методов селекции подсолнечника, использование которых самими авторами фактически привело к отрицательным результатам. Например, В. К. Морозов писал, что в

течение многих лет вел селекцию подсолнечника на крупноплодность, увеличил массу 1000 семян на 14-24 г, что по его вычислениям должно было повысить урожайность на 560-960 кг/га, но сам констатировал, что в селекции на урожайность за счет повышения крупноплодности «... пока существенных сдвигов не наблюдается».

Я спросил у Василия Степановича, как он пришел к выводу о бесполезности отборов по морфологическим элементам структуры урожая при селекции подсолнечника на урожайность. Он ответил, что вначале думал как В. К. Морозов, но, испытав в период исканий варианты таких способов селекции, убедился, что отборы на увеличение крупности семян ведут к уменьшению их числа в корзинах, а отбор на увеличение числа выполненных семян приводит к мелкосемянности, урожайность же популяций при таких способах отборов не возрастает.

По поводу предложений вести селекцию на некоторые другие признаки Василий Степанович также говорил, что в период исканий были получены данные о неэффективности таких отборов или что у него есть материалы, доказывающие ошибочность таких направлений селекции. Из всех предлагавшихся направлений селекции подсолнечника он считал обоснованными только работы по созданию межлинейных гибридов. Однако он считал ошибочными предложения о прекращении селекции сортов-популяций. По его мнению, гибриды должны создаваться не вместо сортов, а наряду с их селекцией и улучшающим семеноводством. При этом он отвергал все обвинения в том, что многолетнее использование для селекции сортов подсолнечника близкородственного исходного материала является отступлением от принципов дарвинизма, ведет к инбредной депрессии и утрате генетической изменчивости. Василий Степанович говорил, что при многократном индивидуальном отборе обнаруживаются семьи потомков элитных растений с проявлениями инбредной

депрессии, но наряду с ними при больших масштабах работы можно отобрать много урожайных семей без признаков депрессии (работу в малых объемах он с иронией называл «карманной селекцией»).

Опытом своей многолетней работы Василий Степанович демонстрировал, что при больших объемах селективируемых популяций не сокращается необходимая для последовательных циклов отборов генетическая изменчивость. Более того, он с полным основанием считал созданную им совокупность популяций подсолнечника уникальным высокоценным генофондом, скрещивание которого с образцами генофонда ВИР может только обесценить его. Для скрещивания со своим селекционным материалом он привлекал только доноры устойчивости к новым патогенам или к новым их расам и лишь в тех случаях, когда из своих популяций не удавалось выделить такие доноры. И тем более он был убежденным сторонником переопыления только «лучших с лучшими» близких по происхождению семей и противником лысенковского принципа «брака по любви» при свободном скрещивании разнообразного материала. Обширные коллекции исходного материала подсолнечника у других селекционеров он называл «зверинцем», считая это показателем неумения вести эффективный отбор из популяций. Среди многих ученых того времени только Е. Н. Синская считала, что принципы работы В. С. Пустовойта не противостоят дарвинизму; напротив, они соответствуют идеям Дарвина о том, что отборы из одной популяции в одном направлении в течение многих поколений не только не истощают наследственную изменчивость, но усиливают возникновение полезных изменений, ускоряя со временем темпы селекции. Она констатировала, что у растений высокомасличных сортов не только нет признаков депрессии, но часто они мощнее по сравнению с низкомасличными. К сожалению, до сих пор в публикациях по селекции подсолнеч-

ника встречаются бездоказательные утверждения, будто длительное использование метода В. С. Пустовойта привело к отрицательным результатам вследствие генетического однообразия селектируемых популяций.

Особенно беспокоили Василия Степановича предложения создавать сорта подсолнечника с высоким процентом белка в семенах для решения проблемы ликвидации дефицита белка в кормовом балансе страны. Объяснялось такое беспокойство тем, что В. К. Морозов не только вел селекцию подсолнечника в таком направлении и создал популяции с высоким процентом белка в семенах, но и убедил некоторых высокопоставленных работников ВАСХНИЛ и Министерства сельского хозяйства СССР в важности и перспективности такой селекции. В результате в Москве было принято решение о том, чтобы во ВНИИМКе одновременно с селекцией высокомасличных сортов создавались и высокобелковые. О том, что попытки увеличения сборов белка путем отборов на повышение процента белка были заведомо обречены на провал, свидетельствовало следующее. Во-первых, представление о сниженных сборах белка у высокомасличных сортов было основано на недоразумении: с увеличением сборов масла процент белка снижался только в ядрах семян, а сборы белка и белковость семян не снижались. Во-вторых, к тому времени уже были получены надежные доказательства ошибочности теории антагонизма между процессами биосинтеза жира и белка в семенах. В-третьих, уже было установлено также, что сборы белка семян сортов подсолнечника в высокой степени пропорциональны количеству доступного азота в почве, что подтверждало вывод академика Н. И. Вавилова о преимущественно модификационной обусловленности этого признака. В-четвертых, в связи с предыдущими фактами наследственное повышение процента белка возможно в основном за счет снижения урожайности генотипов без увеличения сбора белка, что фактически под-

тверждали результаты многолетних отборов, проводившихся В. К. Морозовым. Позже такими же результатами завершились программы селекции подсолнечника на высокую белковость в Югославии и Болгарии.

В ответ на требование вести селекцию подсолнечника в двух направлениях на масличность и белковость Василий Степанович твердо отстаивал позицию продолжения селекции в одном направлении: повышать сборы масла и одновременно по возможности увеличивать сборы белка за счет более полного оттока азота из вегетативных органов в семена. Однако отборы при этом должны проводиться не по проценту белка, а по его сбору с единицы площади посева, чтобы предотвращать снижение урожайности популяций.

Пример подхода Василия Степановича к селекции подсолнечника на белок является одним из свидетельств того, что в его понимании направление селекции определяется не только тем, по каким признакам оценивается селекционный материал, но и как используются такие оценки при отборах. В частности, он, как и В. К. Морозов, вел отбор на крупность семян, но делал это не с надеждой увеличить за счет этого урожайность, а с целью повышения качества семян в соответствии с требованиями масложировой промышленности. Требование выполненности семян в центре корзинки предъявлялось только к отбираемым элитным растениям, выращенным при сниженной густоте посева, а при испытании их потомств на фоне оптимальной густоты по этому показателю уже не браковали семьи. Поэтому фактически отбором на выполненность центра корзинки отбраковывались растения с избыточным числом цветков в соцветиях. Из трех реально возможных путей повышения масличности ядер семян (за счет меньшего накопления нежировых безазотистых веществ, за счет угнетения оттока азота из листьев в семена и за счет более эффективного использования белков семян для биосинтеза масла) отборы по

методу Василия Степановича приводили к увеличению сборов масла при высоких сборах белка потому, что отбирались только генотипы, у которых масличность ядер семян повышалась за счет эффективного использования белка семян при максимально полном оттоке азота из листьев в семена. В процессе селекции и улучшающего семеноводства сортов подсолнечника была существенно уменьшена высота растений, но не за счет использования больших генов короткостебельности, а за счет полигенной изменчивости, что позволяло избегать нежелательных плейотропных эффектов.

При оценках содержания присылаемых на рецензирование рукописей Василий Степанович особое внимание уделял предложениям об изменениях направления селекции подсолнечника. Его реакция на такие предложения свидетельствовала об искренней озабоченности тем, насколько успешно будет продолжено селекционерами следующего поколения дело всей его жизни. Наибольшее его возмущение вызвала рукопись статьи В. К. Морозова, в которой был изложен не только обширный перечень необоснованных рекомендаций об изменениях направления селекции подсолнечника, но и умышленно искажались достигнутые результаты создания и улучшения сортов. Поэтому Василий Степанович договорился по телефону с главным редактором журнала «Селекция и семеноводство» С. Д. Пушкарским о том, чтобы статью В. К. Морозова опубликовали с пометкой «в порядке обсуждения» с условием, что затем будет опубликована ответная статья с обоснованием причин неприемлемости предложенных В. К. Морозовым направлений селекции подсолнечника. Как и при написании рецензий, Василий Степанович продиктовал мне в виде тезисов свои оценки рекомендаций В. К. Морозова, а я по этим тезисам подготовил ответную статью. При написании ее первого варианта я старался подбирать наиболее дипломатичные выражения для объяснения ошибочности этих рекомендаций,

учитывая обычную деликатность высказываний Василия Степановича. Его оценка этого текста оказалась неожиданной для меня. Он сказал, что надо написать эту статью более определенно и резко и при этом объяснил: «Мы все селекционеры, имеющие сорта подсолнечника в производстве, кандидаты в царствие небесное, а Морозов будет сбивать с истинного пути молодых селекционеров». Второй вариант текста статьи также был забракован по той же причине, и только рукопись третьего ее варианта была направлена в редакцию журнала «Селекция и семеноводство». По предварительной договоренности статью В. К. Морозова должны были опубликовать в первом номере этого журнала за 1971 год, а нашу ответную статью — во втором. Однако обе они были опубликованы в первом номере. По объяснению С. Д. Пушкарского редакция пошла на такое нарушение этики ради того, чтобы на основе сопоставления этих двух статей селекционеры могли усвоить, насколько важно глубокое обоснование направлений селекции разных культур.

Оценку таланта В. С. Пустовойта как выдающегося селекционера нельзя считать достаточной без учета малоизвестных фактов о его достижениях в селекции зерновых культур. С 1912 г. по август 1930 г. он заведовал отделом селекции пшеницы и подсолнечника, под его руководством велась также селекция ярового и озимого ячменей, кукурузы и клещевины, а в заключении в Долинском лагере НКВД с 1930 г. до марта 1935 г. он вел селекцию проса, озимой ржи, озимой пшеницы. Принципиально важно то, что во всех случаях он выбирал верные направления селекции каждой из перечисленных культур, точно соответствующие их биологическим особенностям, комплексу абиотических и биотических условий зон их возделывания, требованиям к качеству урожая. Созданные им сорта твердой яровой пшеницы Гордеиформе 27, проса Долинское 86 и ряд других многие годы широко возделывались в разных регионах СССР. Особенно

значимой оказалась работа Василия Степановича по созданию высокоурожайных, устойчивых к бурой ржавчине и засухе, с высоким качеством зерна форм озимой и яровой мягких пшениц. Работа эта была прервана арестом, все материалы были переданы из опытной станции «Круглик» на Краснодарскую селекционную станцию (ныне КНИИСХ). П. П. Лукьяненко провел оценку этого материала в 1932 году, и это позволило ему в течение 1932-1935 гг. передать на государственное испытание шесть сортов озимой пшеницы, в том числе уже в 1932 году сорт Ферругинеум 622, а затем – сорт Первенец. В 1935 году было успешно завершено конкурсное испытание сорта яровой мягкой пшеницы Ферругинеум Н-13. Были районированы также созданные под руководством Василия Степановича сорта ярового и озимого ячменей Круглик 188/49, Круглик 21 и другие.

Широко распространено мнение, будто В. С. Пустовойт только практической селекцией создал превосходные сорта ряда культур и эффективный способ улучшающего семеноводства популяций, разрабатывал технологии возделывания полевых культур, но не занимался теоретическими проблемами биологии. Это обусловлено тем, что Василий Степанович проводил лишь небольшое число специальных биологических исследований. Такие опыты он вел специально с целью установления доминирования признаков у гибридов, определения допустимой пространственной изоляции между питомниками, обоснования необходимости работы с одним набором улучшаемых последовательными отборами популяций и так далее. Однако кроме этого важные для него теоретические проблемы он решал многолетними целенаправленными селекционными экспериментами. В частности, осуществленный В. С. Пустовойтом опыт направленной эволюции популяций от сравнительного недавно окультуренного подсолнечника до высокопродуктивной масличной культуры не менее важен для ряда отраслей биологии, чем

результаты многолетних иллинойских экспериментов направленных отборов из популяций кукурузы. Важно также то, что сорта созданного генофонда подсолнечника, отличаюсь от исходных сортов усиленным жиробразованием, не уступали им по сборам белка с единицы площади посевов, а площадь листьев у высокомасличных сортов даже несколько меньше, чем у низкомасличных. Эти факты, полученные в итоге селекции, убедительно опровергают как теорию антагонизма между процессами биосинтеза жира и белка, так и представление о том, что для повышения сборов масла необходимо увеличивать площадь листьев растений. Поэтому уже в статье 1940 года Василий Степанович с полным основанием писал: «Состояние наших знаний в отношении масличности подсолнечника находится в полном противоречии с практическими результатами работ по селекции подсолнечника на повышенную масличность». К сожалению, несмотря на высочайшую степень надежности этих фактов, теоретическая их значимость не была в полной мере оценена биологами, поэтому изложение теории антагонизма до сих пор можно найти даже в учебниках, сохраняется представление о необходимости увеличения листовой поверхности посевов подсолнечника для повышения их продуктивности.

Еще более важен и уникален, но также не оценен по достоинству вклад В. С. Пустовойта в теорию отбора, в решение ключевой проблемы идентификации желательных генотипов по их фенотипам. Во всем мире почти единодушно признается невозможность оценки ценотической продуктивности генотипов по признакам отдельных растений и небольшого числа их потомков. Эта точка зрения отражена и в современных руководствах по селекции и генетике. Однако В. С. Пустовойт за 15 лет «периода исканий» разработал надежные способы идентификации наиболее ценных генотипов по фенотипическим признакам элитных растений и их потомков. Результативность разработанных и реализованных

им оригинальных схем периодического отбора как при селекции сортов, так и при их улучшающем семеноводстве являются убедительным доказательством эффективности использовавшихся методов идентификации генотипов как особей, так и семей их потомков. Поскольку при скрещиваниях отбираемых генотипов в питомниках направленного переопыления и в семенных питомниках процессы рекомбинации обеспечивали последовательное с каждым циклом повышение продуктивности популяций, следовательно, надежность идентификации желательных генотипов была высокой. Более того, В. С. Пустовойт по мере повышения надежности оценок семей потомств сокращал число повторностей однорядных делянок при их испытаниях вначале с четырех до трех, а затем с трех до двух. В отличие от этого в США Лонквист добился успеха в селекции популяций кукурузы на урожайность аналогичным початкорядным отбором только после увеличения числа повторностей до четырех и использования четырехрядных делянок. Это сопоставление свидетельствует о том, что В. С. Пустовойт добивался надежности отборов самых ценных генотипов иным, не известным ранее способом.

Приходилось слышать мнение, будто в основе успехов В. С. Пустовойта была его способность отличать по морфологическим признакам те растения подсолнечника, в семенах которых накапливается наибольшее количество масла. Если бы это было верно, то ему не нужны были бы ежегодные отборы 10-20 тысяч растений, из которых отбраковывалось не менее 90 % особей по результатам определения лужистости семян и масличности семян. Кроме того, после двух лет испытаний потомств оставшихся родоначальных растений с учетом данных таких же анализов отбраковывалось еще 80-90 % от числа изученных семей. Василий Степанович считал, что без лабораторных анализов нельзя выявлять наиболее ценные биотипы среди морфоло-

гически неотличимых форм подсолнечника, различающихся по уровню маслообразования в семенах. Он неоднократно говорил, что самой творческой частью его работы является комплектование питомников направленного переопыления и что эту работу в течение зимы он переделывает по нескольку раз, уточняя не только перечень отобранных лучших семей, но и ранги их селекционной ценности, в соответствии с которыми размещались их деланки в питомниках.

В одном из моих разговоров с Василием Степановичем он объяснил мне, на основании какого принципа он отбирает семьи потомств, способные обеспечивать высокие сборы масла с гектара. Разговор этот произошел во время написания нашей статьи с обоснованием бесполезности селекции подсолнечника на высокий процент белка в семенах. Перед этим я по его заданию ездил в Москву, где безуспешно пытался доказать высокопоставленным сторонникам такого направления бессмысленность этого дела. Все, с кем я говорил об этом в Москве, были убеждены в том, что причиной увеличения сборов масла был отбор на высокий процент масла, поэтому, по их мнению, отборы на белковость приведут к увеличению сборов белка. Учитывая это, я предложил написать в статье о том, что данное направление селекции подсолнечника более точным будет определять как селекцию на высокие сборы масла с гектара, а не на масличность (так и было напечатано в этой нашей статье в «Вестнике сельскохозяйственной науки», 1972 г., № 7). Василий Степанович ответил, что, действительно, ценность сорта определяется в первую очередь величиной сбора масла, и это главная цель селекции подсолнечника. Однако по данным испытаний потомств на однорядных деланках семьи с высокими сборами масла при сниженной масличности ядер семян не подтверждают таких характеристик при их повторных испытаниях на больших деланках с защитными рядами. Отбирать же надо те семьи, у которых повышенные сборы масла с однорядной деланки сочетаются с высоким процентом масла

норядной делянки сочетаются с высоким процентом масла в ядрах семян. Объясняется это тем, что положительная связь между этими показателями характеризует генотипы, способные эффективно использовать ограниченные ресурсы внешней среды, что обеспечивает высокие урожаи ядер семян и сборы масла с гектара полевых посевов. Высокая же фенотипическая оценка семьи по сбору масла и урожаю семян с однорядной делянки при низкой масличности ядер обусловлена в основном захватом растениями этого потомства дополнительной площади питания в междурядьях за счет соседних делянок, поэтому такие характеристики семей могут проявляться только при испытаниях на малых делянках без защитных рядов.

Высокая масличность ядер семян служила для Василия Степановича показателем ценности не только семей потомков, но и отбираемых родоначальных растений. Он писал, что 15 лет поисков эффективного метода селекции подсолнечника завершились успехом только тогда, когда начали определять масличность ядер семян каждой отдельной корзинки лучших потомств, выращиваемых в пространственно-удаленных изоляторах. Для анализов брались корзинки с большим количеством семян, поэтому для включения в питомники оценки потомств элитные растения отбирались по соотношению высокой масличности ядер семян при высоком их урожае. Это аналогично оценкам по соотношению сбора масла и процента масла, поскольку коэффициенты корреляции между урожаями ядер семян и сборами масла близки к единице.

Детальный физиолого-генетический анализ подтвердил, что в процессе селекции подсолнечника урожаи ядер семян и сборы масла возрастают за счет увеличения числа запасующих жир клеток семядолей семян без увеличения количества масла в клетках. При этом масличность является не причиной, а следствием увеличения сборов масла при равной

доступности азота, и в то же время процент масла в ядрах является индикатором эффективности использования растениями азота. Это позволяло использовать масличность ядер семян в качестве фонового признака для таких селекционных признаков, как сбор масла и урожай ядер семян. Теоретический анализ особенностей этих систем — селекционный-фоновый признаки — выявил принципиальное их отличие от ранее описанного принципа фоновых признаков, причем использовавшийся В. С. Пустовойтом принцип оказался значительно более эффективным при селекционной идентификации желательных генотипов. По предложению В. А. Драгавцева методы В. С. Пустовойта описываются теперь в теории отбора, как основанные на принципе ортогональности генотипической и модификационной компонент ковариации селекционного и фонового признаков. Этот принцип явился существенным вкладом в развитие теории отбора, стимулировал исследования в очень важной области повышения надежности оценок урожайности генотипов при отборах из популяций особей и испытаниях их потомств. Василий Степанович поддерживал физиолого-генетические исследования в этом направлении. По его рекомендации была опубликована моя статья на эту тему в журнале «Селекция и семеноводство», № 5 за 1969 год, а к моей статье в журнале «Вестник сельскохозяйственной науки» (1971, № 7) он даже написал предисловие.

Василий Степанович проводил основополагающие исследования по обоснованию принципов и разработке методов селекции одновременно нескольких полевых культур, а также создавал их сорта в очень трудных условиях. Это были годы становления опытного учреждения, революции, гражданской войны, репрессий НКВД, в том числе его ареста, допросов, суда и заключения в лагерь, отечественной войны, эвакуации, послевоенной разрухи и голода, административного внедрения учения Лысенко. Об атмосфере, ко-

торая царила в институте в тридцатые годы, можно судить по рассказу А. Я. Панченко. Институтом тогда фактически руководил комитет комсомола, возглавляемый участниками гражданской войны – красными кавалеристами Захаром Пакудиным и его другом. Каждый раз, когда директора вызывали для отчета в комитет комсомола, он шел туда со страхом, опасаясь обвинений в покровительстве вредительским научным работам и передачи дела в НКВД, а А. Я. Панченко был по требованию этих комсомольцев уволен с работы за увлечение буржуазным занятием – игрой в волейбол.

Условия работы В. С. Пустовойта значительно улучшились лишь после широкого признания его заслуг с 1946 года. Важной предпосылкой этого явилось проведение производственного опыта по переработке партии высокомасличных семян подсолнечника. С целью проведения этого опыта руководитель агрономической службы главка Расжирмасло Н. Н. Гильдштейн и заместитель директора ВНИИМК А. Я. Панченко организовали заготовку двух партий товарных семян по 155 тонн высокомасличного сорта ВНИИМК 3519 и низкомасличного Круглик А-41. Для опытной переработки этих партий маслосемян был выбран Северский шнек-прессовый маслозавод, в котором было две технологических линии со шнековыми прессами одинаковой конструкции и производительности. Для сбора отжатого масла отдельно для каждой линии были приготовлены также одинаковые емкости с таким расчетом, чтобы для их заполнения количества масла, полученного из низкомасличных семян, было недостаточно, а масло из высокомасличных семян переполнило такую емкость и полилось на пол. Этот факт, рассчитанный на большой психологический эффект изобилия в условиях голода 1946 года, зафиксировала не только комиссия, но и специально приглашенные корреспонденты газет, радио, журнала кинохроники, поэтому об этом стало известно на

территории всего СССР. Уже в июне 1946 года Василий Степанович сообщил в своем выступлении на Всесоюзном научно-методическом совещании по масличным культурам о том, что при переработке семян сорта ВНИИМК 3519 выход масла оказался больше на 10,43 %, почти в полтора раза превысив выход масла из семян сорта Круглик А-41. Ссылаясь на результаты этого опыта, он предложил в этом выступлении систему мер по совершенствованию и сокращению сроков государственного испытания сортов подсолнечника, заблаговременному осведомлению о перспективных сортах, ускорению сортосмен.

Яркая демонстрация успехов Василия Степановича обеспечила ему не только всенародное признание, почести и государственные награды. После 1946 года руководство масложировой промышленности в течение многих лет оказывало финансовую поддержку его работы, выделяя деньги по 5-й статье на оплату труда рабочих. Поскольку в те времена численность штатов научных сотрудников и лаборантов строго лимитировалась, объемы работ были увеличены за счет большего числа рабочих. Для поддержки теоретических исследований Василий Степанович ежегодно выделял часть средств по 5-й статье отделу физиологии растений.

В результате широкого признания достижений В. С. Пустовойта в селекции подсолнечника уменьшились прямая критика методов его работы и обвинения в антидарвинизме со стороны последователей Лысенко. Например, В. К. Морозов еще в докладе на Всесоюзном совещании 1946 года выступал против применения метода «половинок» («резервов») и многократного непрерывного отбора из близкого по происхождению материала подсолнечника. В докладе же на аналогичном совещании 1951 года он только сообщил, что сам ведет селекцию методом свободных межсортных перекрестов, вегетативной гибридизации и воспитания гибридных потомств подсолнечника на специальных агротехнических

ких фонах без проведения отборов, но воздержался от критики методики В. С. Пустовойта. Однако Василия Степановича продолжали беспокоить высказывания в более мягкой форме не только В. К. Морозова и некоторых других селекционеров, но и генетиков и чиновников о том, что метод Пустовойта не позволяет повышать урожайность подсолнечника и уменьшает вклад этой культуры в белковый баланс страны, приводит к истощению генетической изменчивости в популяциях и к инбредной депрессии. Особенно неприятны были предложения вести селекцию на белковость семян, широко использовать для обогащения наследственности популяций образцы подсолнечника из коллекции ВИР. Мне пришлось быть свидетелем только одного прямого коллективного выступления против методики работы по селекции подсолнечника во ВНИИМКе после сообщения А. И. Гундаева об исследованиях, направленных на создание межлинейных гибридов. Я видел, как во время перерыва после выступления А. И. Гундаева В. К. Морозов собрал своих сторонников для написания коллективного заявления, которое было публично зачитано после окончания перерыва.

В целом же улучшение условий работы В. С. Пустовойта после широкого признания его достижений и значительное увеличение финансирования позволили не только существенно интенсифицировать селекцию подсолнечника, но и развернуть масштабные работы по улучшающему семеноводству сортов, ежегодному сортообновлению. В результате на маслозаводах всего Советского Союза быстро стали возрастать выходы масла, страна была не только обеспечена маслом, но и открылась возможность экспорта подсолнечного масла на мировой рынок. Работы Василия Степановича были высоко оценены не только в стране, но и за рубежом. Поэтому для престижа компартии было выгодно принять Василия Степановича в члены КПСС. Для более широкой рекламы это было сделано в порядке исключения с нарушением

устава партии без прохождения кандидатского стажа на основе специального решения ЦК КПСС.

Такое исключительное внимание к В. С. Пустовойту руководства КПСС гарантировало особое отношение к нему партийных руководителей всех рангов. Однако и после этого «руководящая и направляющая роль партии» в отношении науки тяготила Василия Степановича. В этом я убедился, присутствуя при его разговоре с А. Я. Панченко о возможной кандидатуре на должность директора института вскоре после смерти В. М. Сулова, который ранее был назначен директором ВНИИМЭМК после снятия с должности первого секретаря крайкома КПСС. Василий Степанович сказал, что будет плохо, если на должность директора опять назначат партийного работника, который также не будет считаться с коллегиальными решениями ученого совета. Он предложил рекомендовать на эту должность Н. И. Дворянкина, молодость которого не мешает успешно выполнять обязанности директора, поскольку ученый совет принимает всегда разумные, взвешенные решения.

Широкое признание заслуг В. С. Пустовойта проявилось, в частности, в избрании его академиком двух академий, депутатом Верховного Совета. Это увеличивало круг обязанностей. Возрастали затраты времени на участие в приемах, сессиях, совещаниях и заседаниях, на рецензирование, консультирование, встречи с разнообразными делегациями. При этом не уменьшался объем работ по селекции и улучшающему семеноводству сортов подсолнечника, сохранялись заботы о работе всего отдела селекции, деятельности института и его опытного хозяйства, поиски путей совершенствования производства масличных культур в стране и так далее. При такой занятости Василия Степановича было бы естественно ожидать его отстраненности от житейских проблем окружающих его людей, а также подавления дискуссий между сотрудниками института своим авторитетным мнением. Од-

нако он внимательнейшим образом выслушивал всех, кто принимал участие в коллективных обсуждениях спорных вопросов или обращался непосредственно к нему. На заседаниях ученого совета он большей частью сидел молча, внимательно слушал все выступления, и только после того, как дискуссия заходила в тупик или завершалась ошибочным решением, Василий Степанович брал слово, приводя такие ясные, убедительные доводы, что все удивлялись, почему не додумались до этого сами.

Через год после моего поступления в аспирантуру в институт приехал мой друг Малич Салихович Хут, который до этого несколько лет проработал главным агрономом Понежукайского районного управления сельского хозяйства. Малич рассказал, что на слитых черноземах Адыгеи поукосные посевы подсолнечника в меньшей степени засоряются амброзией, вследствие чего по урожайности не уступают основным посевам. С целью разработки деталей агротехники таких посевов он хотел поступить в аспирантуру и пошел с этим предложением к В. С. Пустовойту. Василий Степанович объяснил Маличу, что он против практики таких посевов, так как они ведут к избыточному насыщению севооборотов подсолнечником. Однако, не желая обижать посетителя, он позвонил В. М. Суслову и попросил принять Малича в аспирантуру по экономике. В результате М. С. Хут защитил диссертацию по специализации сельского хозяйства Адыгеи. При встречах со мной он вспоминал свой разговор с Василием Степановичем и тогда, когда стал председателем облисполкома, а затем и первым секретарем Адыгейского обкома КПСС.

Внимательное отношение Василия Степановича к житейским проблемам окружающих его людей я неоднократно испытывал на себе. В частности, меня поразило, что он находил время получать свою долю гонораров за публикации совместных статей с тем, чтобы отдавать все полученные

деньги до копейки мне, несмотря на мои протесты. Когда решался вопрос о распределении квартир в доме, построенном специально для ученых, Василий Степанович настоял на том, чтобы мне выделили там квартиру. После этого одна из сотрудниц института добилась в райкоме КПСС, чтобы мою квартиру отдали ей, как члену партии, поскольку я был беспартийным. Однако по требованию Василия Степановича мне все-таки дали в том доме другую квартиру.

О благородстве В. С. Пустовойта убедительно свидетельствуют меры, предпринятые им для защиты сотрудников института, уволенных с работы по обвинению в сотрудничестве с оккупантами. В те времена защищать таких людей было опасно для него, тем более, что Василий Степанович ранее сам был заключенным лагеря НКВД, и у него еще не было авторитета крупного ученого в глазах руководящих работников партии и органов госбезопасности. В защиту уволенных он писал письма с описанием того, что эти сотрудники были специально оставлены в оккупированном фашистами Краснодаре для сохранения селекционного материала и лабораторного оборудования и успешно выполнили эту очень важную для послевоенной работы задачу. При этом Василий Степанович в равной мере добивался реабилитации как своего друга и соратника С. В. Рушковского, так и сотрудницы Н. Ф. Сергеевой.

А однажды я был единственным свидетелем поведения Василия Степановича в острой, драматической ситуации, когда ему пришлось принимать решение о защите человека, несмотря на совершенный им недобросовестный поступок. Во время летних взаимопроверок подразделений института я в составе проверяющей комиссии обнаружил массовые фальсификации экспериментальных данных в журналах одного сотрудника, который после этого усугубил свою вину попытками «исправлений» первичных данных опытов. Ситуация осложнялась тем, что за подписью этого сотрудника

перед этим была направлена жалоба в ЦК КПСС на директора института В. М. Сулова. Пока директор был в Югославии, Василий Степанович пригласил меня и провинившегося сотрудника, рассмотрев журналы, убедился в его вине, жестко отчитал его и сказал, чтобы он ушел, а меня попросил остаться. После этого Василий Степанович сказал мне, что поступок этого сотрудника заслуживает сурового наказания, но в сложившейся ситуации объективного разбирательства не будет, а произойдет только расправа. В заключение он сказал: «Я прошу Вас, поступите по-товарищески». В итоге удалось избежать увольнения этого сотрудника, хотя В. М. Сулову кто-то сообщил об обнаруженной фальсификации данных.

В описаниях жизни и достижений великих людей обычно не приводятся сведения об их недостатках. В воспоминаниях о Василии Степановиче Пустовойте также отсутствуют эпизоды проявлений каких-либо человеческих слабостей или негативного отношения к людям. Однако объясняется это не стремлением идеализировать этого человека, а тем, что таких эпизодов не было. Человек, который посвятил свою жизнь бескорыстной благородной деятельности, который даже в самых трудных условиях доводил начатые дела до реальных масштабных конечных результатов, в принципе не мог совершать дурных поступков. Поскольку целью его работы было принесение максимальной пользы стране, у него не могло быть недоброжелательного отношения к людям. Достигнутое им повышение продуктивности подсолнечника в сумме за счет усиления маслообразования и обеспечения устойчивости к патогенам по значимости вполне соответствует подвигу, сформулированному как «вырастить два колоса там, где рос один». И наряду с этим Василий Степанович запомнился всем, кто общался с ним, как внимательный, добрый, отзывчивый человек.

«МАСЛИЧНЫЙ БАТЬКО» КУБАНЦЕВ

Владимир Иванович Шпота
(1926-1996)

Мне посчастливилось почти 20 лет работать в отделе селекции, возглавляемом Василием Степановичем.

Это был целеустремлённый гениальный ученый, способный всегда четко определять главные направления исследований для решения стоящих проблем масличной отрасли и находить наиболее эффективные пути их решения.

Он был внимательным и добрым учителем, лишенным амбициозности, чванства, зазнайства, всегда прост и доступен для всех сотрудников, коллег по работе.

На некоторых чертах характера Василия Степановича хотелось бы остановиться более подробно.

Он всегда считал основополагающим фактором эффективной работы ученого глубокую продуманность методологической обоснованности любого эксперимента.

Вспомним, какая глубина творческой мысли, какая гениальность просматривается у Василия Степановича уже в начале его научной деятельности, когда он при разработке программы научной селекции подсолнечника для преодоления т. н. биологического предела масличности (33 %) определяет главные звенья:

В схеме селекции:

– ПНП (питомник направленного переопыления), т. е. «брак по расчету» и инфицированный фон (полевой и технической оценки).

В семеноводстве:

– ПОП (питомник оценки потомств).

Василий Степанович был глубоким аналитиком, что всегда помогало ему находить наиболее яркое и правильное решение проблемы.

Вспомним, как просто и доходчиво в 1946 г. он убедил многих скептиков-селекционеров и теоретиков, специа-

листов жировиков и руководство страны в том, что злоплучный биологический предел масличности преодолён и что это даёт существенный экономический эффект.

Он организовал на Северском маслозаводе демонстрационную сравнительную переработку семян старых и новых сортов. Результаты были потрясающие: выход масла из 1 тонны семян старых сортов составил 238 кг, а новых — 343 кг.

Признание правильности пути и Государственная премия.

Василий Степанович через всю жизнь пронёс преданность главной идее — постоянному увеличению продуктивности подсолнечника через повышение масличности и урожайности семян. Он добился непревзойдённых результатов, каких не было ни по одной другой полевой культуре в мировой практике.

Не будет преувеличением утверждение о том, что, спасая подсолнечник от различных эпифитотий, Василий Степанович создал, спас и подарил миру этот удивительный солнечный цветок.

Наша Родина СССР всегда помогала и поддерживала Василия Степановича. Достаточно ярко об этом говорят 2 высшие Государственные премии, двукратное присуждение высшей государственной награды Героя Социалистического Труда, избрание депутатом Верховного Совета СССР, академиком ВАСХНИЛ и Большой Академии наук, многократное награждение высшими орденами СССР и зарубежных стран, прижизненное издание трудов, достаточное финансирование работ и многое другое.

Василий Степанович постоянно и внимательно пестовал научные кадры:

— он вовремя увидел талант своей дочери и поручил ей одно из важнейших направлений работы — селекцию подсолнечника на иммунитет. За короткий срок созданы непре-

взойдённые сорта с комплексной устойчивостью к 4-6 патогенам, каких не знал ещё мир и которые и сегодня конкурируют с гибридами.

— он вовремя увидел перспективность гетерозисной селекции подсолнечника и поручил эту работу талантливому молодому ученому — А. И. Гундареву.

Василий Степанович и его первые воспитанники создали замечательную школу учеников, достойно продолжающих его дело.

В «пустовойтовскую школу» входили прежде всего селекционеры других культур, применившие основные методологические положения Василия Степановича и добившиеся блестящих успехов. Это:

- Д. П. Умен — по арахису;
- В. А. Мошкин — по клещевине;
- Г. С. Воскресенская — по крестоцветным;
- Н. Н. Глущенко — по кориандру;
- и даже по облигатным самоопылителям льну и сое
- О. И. Рыжеева и Ю. П. Мякушко.
- четко и убедительно идеи Василия Степановича по семеноводству реализовал М. А. Онищенко, и по семеноведению — Шепетина Ф. О. и Чалый И. И.
- идеи Василия Степановича благотворно влияли на результативность работы признанных в стране и мире ученых по биохимии — С. В. Рушковского и Н. Ф. Дублянской, по физиологии — А. Я. Панченко, по агротехнике — П. Г. Семихненко, Б. К. Игнатьева, Д. С. Васильева, С. А. Геворкянц, по защите растений — В. П. Ягодкиной и О. И. Тихонова, по механизации — А. И. Ключникова и В. П. Токарева, по экономике — В. И. Перемыкина и Н. И. Дворядкина и многие другие.

Это был удивительный по сплоченности, деловитости, убежденности коллектив ученых, работать в котором было радостно для молодых начинающих ученых.

Не могу не упомянуть и о замечательном качестве Василия Степановича – его организаторском таланте.

Многие еще помнят, каким праздником для всех ВНИИМКовцев были Всесоюзные совещания с высоким представительством ВАСХНИЛ, Академии наук, Госплана СССР, ученых-масличников и производственников страны, проводимые каждые 3-4 года. Инициатором этих совещаний был В. С. Пустовойт.

На этих совещаниях вырабатывалась стратегия и тактика повышения эффективности борьбы за увеличение производства масел, уровня жизни и здоровья советских людей.

Василий Степанович всегда придавал важное значение внедрению достижений науки в производство. Часто бывал в колхозах, встречался с колхозниками, переработчиками. Он пользовался глубоким уважением. Его с любовью называли кубанцы «Масличным батшкой».

ВЕЛИЧИЕ И ПРОСТОТА

Валентин Фёдорович Баранов

При встречах и беседах с Василием Степановичем (мне посчастливилось иметь таковые, работая ученым секретарем ВНИИМК последние 4 года его жизни) поражала его всесторонняя эрудиция, глубинность мышления, лаконичность и аргументированность речи. Он был скуп на слова, но щедр на дела. Скромность и простота, внимание и чуткость в общении с собеседником – характерная особенность его поведения.

Никогда не кичился он своим высоким признанием и наградами. Ярким подтверждением тому является факт категорического его отказа сфотографироваться с полным комплектом (более 15) орденов и медалей. Это удалось осуществить только после его кончины (для музея), сфотографировав его пиджак с полным комплектом наград на М. И. Кручинине и применив последующую фотокомбинацию. Таким «непорядочным» образом удалось восстановить историческую справедливость.

Удивляла также его исключительная выдержка и терпение. Василий Степанович, участвуя в диспутах на рабочих совещаниях и заседаниях ученого совета, никогда никого не перебивал, а в конце обсуждения кратко и четко излагал правильное решение рассматриваемого вопроса. Обычно оно и принималось.

Для Василия Степановича Пустовойта правилом жизни была повседневная неуёмная деятельность. Он постоянно был в трудах, думах, заботах, не терпел праздновременья.

Его постоянно тянуло в поле на опытные делянки, к своему любимому детищу – цветку солнца. Даже в преклонном возрасте, с трудом передвигаясь, он ежедневно выезжал

на селекционные питомники, подолгу обследовал их, выбирая лучшие растения для последующей селекционной работы.

А какую большую заботу он проявлял о судьбе подсолнечника, постоянно интересуясь состоянием его посевов, видах на урожай, валовых сборах и урожаях, переработкой на маслозаводах и выходах масла!

Характерной особенностью этого великого ученого и настоящего человека являлась исключительная мудрость поведения. Он был краток и корректен не только в своих речах, но и в написании научных трудов; внимателен и чуток в беседах не только с начальствующими персонами, но и с простыми подчиненными ему сотрудниками, лаборантами и рабочими, никогда никого не позволяя унижить своим высоким ореолом славы.

Полные отчеты об итогах научно-исследовательской работы в 70-е годы прошлого века писались подробно и составляли в целом по институту 5-6 томов по 500-600 страниц. Много переводилось бумаги и труда на их составление и оформление. Но Василий Степанович избегал излишней писанины, представлял отчеты на 5-10 страницах в сжатой, но содержательной и ёмкой форме.

Воистину «краткость – сестра таланта!».

Главным научным документом он считал полевой журнал, в котором регистрировались все наблюдения и учеты, а законченной работой признавал только сорт. К каждому новому сорту он предъявлял строжайшие требования, как по количественной (уровень продуктивности), так и по качественной (масличность, лужистость, устойчивость к патогенам и др.) характеристикам. Постоянно следил он за «судьбой» каждого сорта не только в период государственного испытания, но и при распространении его после районирования.

Многогранен и богат жизненный путь Василия Степановича Пустовойта, замечательны его научные творения, велики его заслуги в развитии мировой селекционной науки, огромен его вклад в укреплении экономического могущества нашей Родины.

Такие гении-гиганты редки в истории человеческой, но след на земле нашей они оставляют глубокий, весомый и вечный. К Василию Степановичу с полной мерой можно отнести высказывание В. Г. Белинского при поминовении Н. А. Некрасова: «Природа мать, когда б таких людей ты иногда не посылала миру, заглохла б нива жизни».

В. С. Пустовойт был весьма скромным человеком, всегда стеснялся нагрянувшей на него большой славы. При публичных вручениях наград или на чествованиях в честь юбилеев (автору довелось участвовать в юбилейном расширенном заседании ученого совета, посвященного 85-летию Василия Степановича в 1971 г.) он, сидя в президиуме, чувствовал себя неуютно, дискомфортно и скованно – проявлялось его негативное отношение к этому (излишнему по его глубокому убеждению) мероприятию. Его человеческая природа бунтовала против таких публичных восхвалений.

«Увлеченность, убежденность, устремленность» – было девизом его научного поиска.

И безмерна, должна быть наша благодарность Ему за яркий пример беззаветного служения науке, огромной работоспособности, исключительной принципиальности и чело-веколюбия.

Велик в своих твореньях,
Но прост как человек.
Таких могучих гениев
Забывать нельзя вовек!

ВСПОМНИМ О ЧЕЛОВЕКЕ

Карм Иванович Солдатов

Мне повезло: довольно значительный промежуток времени я жил, учился и работал, непосредственно соприкасаясь с Василием Степановичем Пустовойтом. Это в значительной степени определило мое дальнейшее направление в жизни. Я стал селекционером.

Первое знакомство произошло летом 1952 года на выпускных государственных экзаменах в Кубанском сельскохозяйственном институте. Это был один из первых послевоенных выпусков специалистов-агрономов. И не удивительно, что экзамены принимала весьма авторитетная комиссия: в ее состав входили академики П. П. Лукьяненко и В. С. Пустовойт. Это вызывало у нас – студентов – повышенное чувство ответственности, своеобразной гордости. Василий Степанович очень внимательно выслушивал наши ответы, иногда задавал уточняющие вопросы. Во всем чувствовалось благожелательное отношение.

Вторая встреча произошла в институте масличных культур, где работал Василий Степанович, и тоже на экзаменах. На сей раз это были вступительные экзамены в аспирантуру. Здесь Василий Степанович занимал более активную позицию. Задавались вопросы не только на сельскохозяйственную тему, но и вопросы, преследующие цель проверить общую подготовку поступающих. Однако и здесь не чувствовалось «злого умысла». Иногда экзамен шавно перетекал в доброжелательную беседу. Василий Степанович как бы изучал, на что способен будущий научный сотрудник.

Много внимания уделял Василий Степанович росту молодых научных кадров. Он присутствовал на всех аттестациях аспирантов. Причем не просто присутствовал, а принимал активное участие. Выслушивал доклады аспирантов, давал оценку, указывал на недоработки, советовал, на что

следует обратить внимание в дальнейших исследованиях. Конечно, это очень помогало нам, аспирантам.

Иногда Василий Степанович заходил в отдел, и завязывалась непринужденная беседа на всевозможные темы. Чаще всего обсуждались вопросы методики постановки опытов. Василий Степанович подчеркивал, что плохо поставленный опыт зачастую приводит к неправильным выводам. Сетовал, что некоторые сотрудники неправильно трактуют сущность и значение питомников направленного переопыления в селекции высокопродуктивных сортов подсолнечника, сводя их роль к простому размножению лучших номеров.

Иногда эти беседы переходили на свободные темы и Василий Степанович рассказывал отдельные эпизоды из своей жизни. Такие беседы «без галстуков» (современный термин) давали нам многое и крепко запоминались.

Василий Степанович внимательно следил за появлением новых идей в науке. Так, одно время в стране стала активно изучаться возможность использования гетерозиса как средство повышения урожайности. Было «модно» получать гибриды на многих с.-х. культурах. Пробовали даже на пшенице. Не обошла эта работа и институт масличных культур. Василий Степанович организовал небольшую группу, чтобы освоить это явление применительно к подсолнечнику. Надо сказать, что Василий Степанович очень осторожно подходил к этому. Ведь если вдуматься, в сортах подсолнечника, выведенных по методике, разработанной Василием Степановичем, гетерозис присутствует в какой-то мере, а необходимую «гибридную силу» растения получают в так называемых питомниках направленного переопыления (ПОП). Это обеспечивает сортам Пустовойта высокую продуктивность и широкую приспособляемость к различным условиям произрастания. Они возделывались на миллионах гектаров.

В начале 60-х годов прошлого столетия в стране было широко организовано изучение возможности использования

химического мутагенеза для создания исходного селекционного материала. Василий Степанович откликнулся и на это начинание. В институте была создана небольшая группа, в дальнейшем реорганизованная в самостоятельную лабораторию. Был заключен договор с Институтом химической физики о творческом сотрудничестве. В результате всего был выведен уникальный сорт подсолнечника Первенец, масло из семян которого по качеству не уступает оливковому маслу. Впоследствии эта работа была удостоена международной медали имени В. С. Пустовойта. Кстати, эта медаль была учреждена как признание выдающихся заслуг Василия Степановича в области селекции подсолнечника и названа его именем.

Василий Степанович не был «кабинетным» ученым. Он поддерживал тесную связь с работниками сельского хозяйства районов. К нему очень часто приезжали колхозники, руководители хозяйств. Приезжали как по одиночке, так и целыми делегациями. Обращались с самыми разнообразными вопросами. И для всех Василий Степанович находил время побеседовать, дать совет, проконсультировать по интересующему вопросу. И люди уважали Василия Степановича за его чуткое, отзывчивое, доброе отношение.

Вспоминаю один эпизод, где это чувство уважения выразилось наиболее ярко. Дело происходило в драматическом театре; он тогда размещался в здании на углу улиц Красной и Гоголя (сейчас там филармония). Отмечали 70-летие со дня рождения Василия Степановича. Съехались многочисленные делегации от хозяйств всего края. Зал, конечно, был переполнен. После официальных поздравлений юбиляра, председательствующий объявляет, что в целях экономии времени, так как было много желающих поздравить Василия Степановича, предлагается просто зачитать сейчас список записавшихся, а вы, мол, потом сами поздравите и вручите адреса и подарки... Что тут поднялось в зале! Мо-

ментально выросла огромная очередь из желающих лично поздравить Василия Степановича. Это было искреннее признание народом Василия Степановича как крупного ученого, отзывчивого и справедливого человека, много сделавшего для процветания Кубани, да и всей страны.

Таким мне запомнился Василий Степанович Пустовойт, выдающийся ученый, непревзойденный селекционер.

УРОКИ АКАДЕМИКА В. С. ПУСТОВОЙТА НАШЛИ СВОЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПРОИЗВОДСТВЕ

Михаил Александрович Онищенко

Первая встреча с Василием Степановичем состоялась в 1936 году при экскурсионном посещении Института масличных культур студентами Краснодарского сельскохозяйственного техникума. Ему тогда было 50 лет, а нам – студентам первого курса по 15-16 лет. Но вел он разговор с нами, как с взрослыми, и подчеркивал, что мы – будущие агрономы, и нам по мере учебы в техникуме и непосредственно в колхозах и совхозах потребуются знания и опыт выращивания высоких урожаев зерновых, масличных, кормовых и других культур, и не исключается возможность отдельным из нас стать научными сотрудниками. И сейчас, по прошествии семидесяти лет, я, вспоминая ту первую встречу; тогда я и не предполагал, что судьба назначит мне длительный срок работы (более 50 лет) во ВНИИМКе и непосредственно в отделе селекции и семеноводства под руководством Василия Степановича Пустовойта.

Вторая встреча с Василием Степановичем была в 1946 году в зале «Дома учителя» по ул. Красноармейской, 66, единственном тогда уцелевшем и самом большом помещении в послевоенный период, где состоялся первый съезд агрономов под председательством первого секретаря края тов. Селезнева. На этом съезде и я был участником в числе делегации Каневского района. В то время я с февраля 1946 года после демобилизации из Армии работал участковым агрономом Стародеревянковской МТС.

На этом съезде выступлений было много, и они были противоречивы, особенно в вопросах приемов земледелия. Одни выступающие настаивали на том, чтобы после подсолнечника проводить вспашку, другие этот прием не признава-

ли. Очень убедительным по этому вопросу было выступление В. С. Пустовойта. Он утверждал тогда, что подсолнечник надо размещать после озимой пшеницы и возделывать по зяби; указал на оптимальные сроки посева, ухода и уборки и предложил считать эту культуру как занятой пар, а основную обработку почвы под озимую пшеницу осуществлять как поверхностную, путем дискования на глубину 6- 8 см и проводить её посев в лучшие календарные сроки.

Его выступление прерывалось выкриками с опровержением этого приема. И лишь председательствующий сгладил противоречие и предложил разрешить эту проблему путем производственной проверки в колхозах и совхозах.

Даже в те годы, когда Василию Степановичу было 60 лет, и он достиг определенных успехов в научно-исследовательской работе по селекции подсолнечника и приемам земледелия, ему приходилось встречать другие мнения агрономов и даже ученых, работающих в стенах ВНИИМКа. Н. Г. Игнатов, бывший в те годы первым секретарем крайкома ЦКПБ, однажды посетил Василия Степановича на полях ВНИИМКа и задал ему вопрос: «Почему Вы посев озимой пшеницы проводите не по вспашке, а лущевке?» – Ответ был такой: «Потому что урожайность выше на 2-4 ц/га, чем по вспашке, и кроме того затраты на обработку почвы гораздо меньше». Н. Г. Игнатов вручил ему письмо-жалобу сотрудников отдела земледелия ВНИИМК, в котором говорилось о том, что В. С. Пустовойт осуществляет вредительские приемы земледелия, и посоветовал разобраться на месте, на очередном совещании обсудить эту проблему. Но Василий Степанович решил эти проблемы не в кабинетах, а непосредственно на полях – сначала визуально оценив состояние посевов озимых по разным приемам обработки почвы, а затем окончательно по получению данных урожайности за 3-5 и более лет.

Василий Степанович был законодателем внедрения в производство новых сортов, приемов семеноводства и эффективных приемов земледелия. По рекомендации академиков В. С. Пустовойта и П. П. Лукьяненко были пересмотрены севообороты с таким чередованием культур, чтобы размещение их проводилось по лучшим предшественникам, обеспечивающим наличие основных элементов питания, и с такими физическими свойствами почвы, которые бы обеспечивали накопление и сбережение влаги – важнейшего фактора повышения урожайности.

В годы, когда я работал во ВНИИМКе, как-то в один день на «пяточке» (место сбора рабочих) к Василию Степановичу обратилась молодая рабочая, протягивая ему телеграмму и говоря: «У меня умерла мама». Телеграмму он не взял, а позвал своего шофера Н. Я. Никулина, вытащил из кармана деньги и поручил ему: «Поезжайте и помогите в организации похорон». Это было и тогда и сейчас трогательно для нас всех. Многие восхищались необыкновенным поступком, а отдельные и со слезами на глазах. Помню такой случай. И. А. Губин с расстроенным видом докладывает Василию Степановичу: «Птицы выклевали семена подсолнечника сорта Кубанец в питомнике размножения». Василий Степанович ему сказал: «Значит, они определили в них хорошие вкусовые качества».

Когда Василий Степанович был депутатом РСФСР, пришла к нему на прием как к депутату женщина с просьбой об оказании ей денежной помощи в сумме 150 руб., необходимой для лечения. Он вытащил из своего кармана деньги, выдал ей и не потребовал оформления.

ЗНАКОМСТВО С В. С. ПУСТОВОЙТОМ

Евгений Константинович Миронов

Свою трудовую деятельность я начал во ВНИИМЭМКе в отделе физиологии, в должности младшего лаборанта. Естественно, проходя мимо Василия Степановича, я всегда с ним здоровался. В те молодые годы я увлекался спортом и после работы ходил на тренировки. В 1961 г. мне удалось прыгнуть в высоту на 2 метра. Естественно, об этом узнали в институте. И вот однажды иду я на работу, на крыльце красного корпуса стоят мой начальник, Анатолий Яковлевич Панченко, и Василий Степанович Пустовойт. Анатолий Яковлевич подзывает меня. Я подхожу, Василий Степанович протягивает мне руку и спрашивает: «Правда, что Вы прыгнули в высоту на 2 метра?». Я говорю: «Да». Он поднимает руку над косяком двери и говорит: «Это примерно такая высота». Я, конечно, оробел, ведь со мной поздоровался академик.

Василий Степанович спрашивает: «А как долго Вы шли к этому результату?». Я сказал: «Шесть лет тренировок». «Да !!! – сказал Василий Степанович и погладил свою голову. – Без труда и терпенья тяжело добиться какого-то результата». После этой встречи у меня были смешанные чувства. Меня поздравил академик! Причем я запомнил его мощное рукопожатие. И впоследствии, когда мы встречались, Василий Степанович всегда крепко жал мне руку.

Помню, заходит в отдел физиологии Клара Сергеевна Бессараб и говорит: «В отделе селекции подсолнечника есть место младшего научного сотрудника, сходи к Василию Степановичу, попроси, чтобы он взял тебя к себе». Я летел в отдел подсолнечника как на крыльях. Помню, был морозный день. Захожу в кабинет. За столом сидит Василий Степанович. Я подхожу к столу и сходу: «Василий Степанович,

возьмите меня к себе, в отдел». А сердце прямо вылетает из груди от волнения. Василий Степанович поздоровался со мной крепким рукопожатием, посадил рядом и рассказал в чем суть будущей работы.

Через пять дней я был принят в отдел селекции младшим научным сотрудником. Василий Степанович посоветовал мне ознакомиться с отчетами, литературой. Что меня поразило в общении с Василием Степановичем, так это простота, деловитость. Работать в отделе было одно удовольствие. Собралась хорошая команда: Александр Ильич Гундаев, Клара Сергеевна Бессараб, Валентина Фадеевна Чуприна, потом пришел Владимир Николаевич Суровикин. Василий Степанович относился к нам очень хорошо – прежде всего требовательно, каждый знал, за что он отвечает. Конечно, селекции подсолнечника повезло, что 65 лет ею занимался Василий Степанович. По сути, он почти 60 лет не ходил в отпуск.

Когда начинались анализы подсолнечника на масличность, Василий Степанович просматривал все журналы, в которых были тысячи анализов. И это на протяжении всей жизни. Когда-то Василий Степанович поставил цель создать сорта с высоким содержанием масла, и он добился этого. Несмотря на недоверие некоторых коллег, Василий Степанович вспоминал, я слышал его рассказ, как на Северском маслозаводе, при получении масла из новой партии семян подсолнечника, ночью работники заснули и проснулись оттого, что они плавают в масле. Оказывается, под эту новую партию маслосемян поставили обычные цистерны и не учли, что эта партия семян из высокомасличного подсолнечника. Цистерны переполнились, и масло полилось на пол. Вспоминая этот эпизод, он посмеивался и довольно поглаживал голову. После этого эпизода его вызвали в Москву, и, как он рассказывал, в течение трёх дней он докладывал чиновникам, от заведую-

щего техотделом до министра, о полученных новых высоко-масличных сортах подсолнечника.

Василий Степанович уделял очень большое внимание семеноводству подсолнечника и очень строго контролировал выполнение всех работ по семеноводству.

Пример. Утром проходит планерка у главного агронома ОСХ «Березанское» Павла Антоновича Косцова. Заходит водитель Василия Степановича и приглашает меня к выходу. Выхожу, сажусь в машину, и мы едем на посев суперэлиты сорта Передовик, размещенного на 20 га. Там мы сделали прочистку. Убрали все раннецветущие растения. Приезжаем. Василий Степанович становится на карниз машины и смотрит на поле. Увидел десятка два цветущих растений на фоне десятков тысяч не цветущих и говорит: «Надо убрать». Я собрал свою группу, и мы, растянувшись цепью, целый день, убирали эти растения. Дело сделано. Какое было мое удивление, когда на следующий день, утром Василий Степанович снова приехал на поле и внимательно осмотрел его со всех сторон. Слава Богу, замечаний не было. Это для меня был хороший урок на всю жизнь.

Василий Степанович прожил долгую жизнь. Практически он всю жизнь держал себя в хорошей спортивной форме. Каждое утро пробежка по 3 км до сгоревшего дуба, где сейчас расположена заправка. Подъем тяжестей – это гантели и двухпудовая гиря. Обливался холодной водой. Вот почему у Василия Степановича такие сильные кисти рук! Уже когда Василию Степановичу было за 80 лет, он зашел к нам в кабинет и на глазах моих и В. Н. Суровикина большим пальцем поднял 24-килограммовую гирю и пытался ее выжать. Мы были в шоке. Когда я попробовал повторить, у меня вывернулся палец.

Василий Степанович очень переживал за наших спортсменов в дни олимпиад. Заходил и спрашивал об их достижениях.

Я был последним аспирантом у Василия Степановича. Он мне предложил тему по семеноводству подсолнечника. Как он скрупулезно следил за ее выполнением. Перед каждой аттестацией он приглашал меня в свой кабинет и задавал вопросы по теме. Советовал, как докладывать, как отвечать на вопросы, как держать себя среди почтенных ученых.

И все это спокойно, тактично, интеллигентно. Я никогда не слышал, чтобы Василий Степанович повышал на нас или на рабочих голос. С нами разговаривал только на «Вы», по имени отчеству.

Василий Степанович не хвалил нас, но благодарности к праздникам мы получали. А однажды вызывает меня, Сурувикина, Бессараб, Чуприну и объявляет: «Вы становитесь соавторами 7 улучшенных сортов подсолнечника, — и добавляет, — я так хочу, чтобы на премии за сорта вы купили машины». Так я и осуществил мечту, купил машину. Вот такой был Василий Степанович.

У Василия Степановича был подобран очень хороший коллектив лаборантов и рабочих. Старшие лаборанты Акулова Елизавета Григорьевна и Афанасьева Прасковья Степановна были «профессорами своего дела». Василий Степанович неоднократно говорил: «Что не понятно — обращайтесь к ним». Они давали ценную информацию по закладке опытов. Василий Степанович любил приходить в комнату к рабочим, садился на стул и наблюдал за работой рабочих, довольно поглаживая голову.

К празднику 8 Марта Василий Степанович одаривал женщин. Помню, вызывает меня 7 марта и дает свое портмоне и говорит: «В гастрономе на Володарского купите шоколад». Назвал количество, причем учел и подарки для наших жен. Я, когда открыл портмоне, чтобы расплатиться, ужаснулся. Там было очень много денег. Я говорю: «А зачем так много денег?» — На что Василий Степанович ответил: «А вдруг не хватит». В те годы плитки шоколада были в дефи-

ците. Вот обрадовались женщины лаборатории и наши жены! Праздновали 8 Марта в отделе в большой комнате. Накрывали стол. Я ни разу не видел, чтобы Василий Степанович выпивал спиртное. Пол стакана пива за весь вечер, но сидел с нами до конца. Любил слушать, как поют женщины народные песни. А пели они отменно.

Когда я вспоминаю мощное рукопожатие Василия Степановича, меня приводит в восторг сила его пальцев.

Как-то осенью, когда созрел подсолнечник, поехали на питомник направленного опыления, где были собраны лучшие сортообразцы. Василий Степанович просматривал корзинки и из некоторых отбирал семена. Затем он пальцами давил на ядро семени и выдавливал масло. Это было потрясающее зрелище! И тогда Василий Степанович сообщал, что в этом году будет высокая масличность у подсолнечника. Что и подтверждалось проведенными анализами.

ГРАНИ ЕГО ХАРАКТЕРА

Владимир Платонович Илатовский

Первая встреча с Василием Степановичем состоялась в августе 1960 года в отделе селекции сортов подсолнечника. На встрече присутствовала Галина Васильевна — его дочь. Перед встречей я сильно волновался, так как думал, что встречу строгого, серьезного, гордого от своей знаменитости человека, о котором к тому времени уже ходили легенды. Но волнение мое рассеялось, как только мы стали общаться. Василий Степанович на удивление оказался очень простым, общительным, добрым, вежливым и скромным человеком.

Цель встречи заключалась в определении меня по договоренности в отдел, которым он заведовал, на работу по новой теме: «Селекция подсолнечника методом межвидовой гибридизации». Василий Степанович и Галина Васильевна объяснили мне суть предстоящей работы, которую они охарактеризовали как очень сложную, кропотливую и, по их понятию, очень интересную, и в то же время мало оплачиваемую.

Василий Степанович не очень надеялся, что я возьмусь за такую работу, но я согласился. И Василий Степанович тут же посоветовал мне поступать на учебу в Кубанский сельскохозяйственный институт. Я посетовал на то, что в этом учебном заведении нет факультета селекции, на что он сказал: «Поступайте на агрофак», — добавив одобрительно, что и сам закончил этот факультет. И при окончании беседы дал напутствие: «Кончайте агрофак, а селекционера мы из вас сделаем». Итак, по совету В. С. Пустовойта я закончил заочно КСХИ, одновременно работая старшим лаборантом в его отделе. Василий Степанович потом ободрял меня и советовал не отчаиваться по поводу того, что я работаю лаборантом, приводя примеры из жизни академиков, которые

начинали работу в селекции тоже лаборантами (Жданов, Шехурдин и др.). Так, с его благословения, я работаю в институте в отделе селекции неизменно вот уже более 45 лет. За это время я стал соавтором 25 сортов подсолнечника.

При всей своей доброте, тактичности и обходительности, Василий Степанович был безукоризненно требовательным в работе. Ошибок в работе не допускал.

Был случай, когда лаборантов уволили (без предупреждения) за то, что они, не замерив высоты растений, наугад записали данные по высоте в журнал.

Зная его отношение к работе, одной работнице пришлось просить прощение у Василия Степановича за то, что она неправильно посчитала семена в отобранной для анализа пробе. На это он ответил ей, что прощает, а вот лаборантка Прасковья Степановна вряд ли простит, и посоветовал переделывать опыт.

Будучи действительным членом двух академий, Василий Степанович вынужден был часто отсутствовать. Возвращаясь из таких поездок, он, не заходя домой, прямо с вокзала с вещами ехал в поле на опытные делянки.

Бывая с ним в поле, где он щедро делился опытом работы, объясняя те или иные действия и операции, которые выполнялись, я удивлялся его простоте, открытости и знаниям всех тонкостей процесса селекции растений от разбивки поля до уборки.

Василий Степанович во всем любил последовательность и порядок. Так, подготовительные операции для всех этапов селекционной работы производились в строго определенном порядке. Например, подготовка почвы под посев селекционных питомников сначала готовилась под более холодостойкие культуры, а затем более теплолюбивые. Такая закономерность соблюдалась независимо от ранней или поздней весны, часто даже в ущерб своей культуре — подсол-

нечнику. Он не допускал обиды женщины-руководителя: все работы для нее выполнялись в первую очередь.

Будучи уже в преклонном возрасте, он постоянно приезжал на питомник межвидовых гибридов (изолятор № 2), хотя неоднократно там получал солнечные удары.

Василий Степанович был прекрасным математиком: по состоянию снопа колосовых или по размеру подсолнечной корзинки точно определял урожай.

В своем отделе Василий Степанович пользовался заслуженным огромным уважением, так как всегда оставался чутким к просьбам людей. С согласия своих сотрудников и рабочих он даже менял график работы в отделе. Например, рабочий день начинался рано утром, затем с 11 до 15-16 часов рабочие отдыхали, чтобы миновать зной, и продолжали рабочий день в более прохладное время.

Василий Степанович, будучи зав. отдела селекции, бережно и с пониманием относился к своим подчиненным и сотрудникам – руководителям других отделов. Искренне радовался каждому успеху в селекции. Особенно большое внимание он уделял межвидовым гибридам. Постоянно наблюдал за каждым этапом селекции.

Работая с Василием Степановичем, я ощущал с его стороны какое-то по-отечески простое и уважительное отношение к себе. Он много рассказывал о своей жизни. Делился мечтой, что очень бы хотел увидеть водопад Виктория в Зимбабве на реке Замбези, который был открыт Дэвидом Лингстоном в 1855 году и имел ширину 1800 м. И откровенно признавался, что за границей он никогда не был.

Долгое время жил Василий Степанович на территории института в квартире без каких-либо удобств. Старая квартира вся была забита научной и художественной литературой. При переезде его в свой дом, который строился десятилетиями, все книги, за два рейса автобусом, были пе-

ревозены нами в институтскую библиотеку и переданы Жукову Константину Петровичу.

Поскольку я жил в рабочем общежитии, мне часто приходилось встречать большие праздники вместе с Василием Степановичем и Галиной Васильевной в его квартире. Иногда вместе с ним и Галиной Васильевной мы посещали концерты. Даже в концертных залах В. С. Пустовойт проявлял свою галантность — уступал лучшее место женщине.

Василий Степанович не любил показухи. Мы не могли заставить его сфотографироваться с его многочисленными заслуженными наградами (орденами и медалями); пришлось делать комбинированную съемку.

Думаю, что все те, кто будет идти по стопам этого выдающегося селекционера и гениального человека, откроют для себя еще много прекрасных граней в его характере.

ОН ЛЮБИЛ ДЕЛАТЬ ДОБРО

Валентина Фадеевна Чуприна

О Василии Степановиче Пустовойте я узнала в конце 60-х годов прошлого столетия, учась в Краснодарском сельскохозяйственном техникуме. Я тогда и не предполагала, что мне посчастливится работать в лаборатории селекции подсолнечника, которой руководил этот выдающийся селекционер.

В 1960 году я была принята старшим лаборантом в эту лабораторию. С волнением и трепетом я ожидала встречи с Василием Степановичем. Но после знакомства с ним все волнения исчезли — внимательные глаза излучали доброжелательность и располагали к разговору на равных. Под его руководством я проработала 13 лет, занялась подготовкой материалов для написания диссертации, была соавтором 7 сортов подсолнечника.

Работать было очень интересно. Каждый день приносил что-то новое. Колоссальная работоспособность руководителя лаборатории, его строгий подход к методике проведения экспериментов не позволяли нам работать иначе. Я училась быть селекционером. И это было здорово.

Василий Степанович очень любил приезжать на опытные делянки в поле, и было видно, что «общение» с растениями доставляет ему истинное удовольствие. Он с нетерпением ждал результатов лабораторных анализов, особенно таких показателей, как урожайность, масличность и др. Бывало я сижу, считаю, а он рядом ждет журнал с результатами. Ведь в то время не было современных счетных машин. Помню, когда получили первую электрическую счетную машину, так Василий Степанович сказал: «Ну, Валя, теперь вы будете быстро выдавать данные».

О чуткости Василия Степановича можно говорить бесконечно. Постоянно интересовался здоровьем, семьей, бытом. Приведу такой пример. Я училась в Кубанском с.-х. институте на экономическом факультете заочно. Как известно, после 3-го курса требовалось работать по специальности. Я подыскала себе подходящее место и подошла к Василию Степановичу с просьбой отпустить меня. Он очень рассердился, сказал, что я поступаю необдуманно, что я уже готовый научный сотрудник и зачем мне такая скучная наука — экономика.

Через некоторое время подходит ко мне и говорит: «Работайте спокойно, никто вас не отчислит — я все уладил в институте».

Василий Степанович постоянно заботился о нашем материальном благополучии, изыскивал возможность повысить зарплату, премировать. Причем сам обязательно об этом уведомлял, и весь светился при этом. Ему было очень приятно делать нам добро.

А вот еще случай из моего общения с этим необыкновенным человеком. Как-то уходя с работы, он стал снимать с вешалки пальто. Я хотела ему помочь надеть его. На что он сказал: «Ну что вы, Валя, это я должен за вами ухаживать». А ведь я была еще совсем девчонка.

И хотя я не стала селекционером, я благодарна судьбе, что мне повезло работать с таким замечательным человеком и крупнейшим ученым.

ПУСТОВОЙТ УЧИЛ НАС ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Николай Яковлевич Никулин
(личный шофер)

Василий Степанович Пустовойт доброй души человек, культурный. Он великий математик, у него на Гаркушах стояла емкость, и когда проходил дождь, он смотрел в емкость, сколько в ней воды, быстро переводил на ведра и тут же говорил, сколько выпало осадков на гектар. Однажды вывезли работников отдела на прополку, и неожиданно пошел дождь, Василий Степанович вышел из машины и стоял под дождем, пока я не перевез всех людей в институт.

Когда мы, бывало, едем, а по дороге идут люди, он всегда просил остановить и взять, если есть места. Я за все годы работы от него не слышал, чтобы он грубо разговаривал; говорил он понятно и доходчиво.

Помню такой случай. На 1 Мая был выходной день, а второго мы должны были работать с 6 часов утра. Я проспал, прихожу в половине восьмого. Василий Степанович сидит, я говорю, что проспал. Он говорит: «Ну что ж идите, досыпайте». Это было сказано так доходчиво, что до сих пор я ни куда не опаздываю.

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

*Валентина Карповна Кулагина
(рабочая)*

В моей памяти Василий Степанович остался как человек добрый, честный, скромный, отзывчивый и интеллигентный.

Несмотря на то, что он был заслуженным, великим ученым, он никогда это не подчеркивал и не злоупотреблял званиями. К нему можно было в любое время обратиться за помощью, и он никогда никому не отказывал. Я помню, как в Месткоме отказались устроить моего сына в садик, мотивируя тем, что у нас есть бабушка в Ростовской области, которой в то время было 75 лет. Я обратилась к Василию Степановичу. Он, несмотря на свою занятость, внимательно выслушал меня и в течение двух дней решил этот вопрос.

Ко всем сотрудникам лаборатории он относился уважительно, кто бы это ни был — научный сотрудник, лаборант или рабочий. Ни на кого никогда не повышал голоса. Его кабинет был в лаборатории; помню, однажды мы приехали на перерыв с поля. Зашли с Тоней Ищенко в кабинет и прилегли на диван, там было прохладно, хорошо, до отъезда автобуса оставалось минут 20-30. Вдруг открывается дверь, заходит Василий Степанович. Мы, конечно, подхватились, стали извиняться, Василий Степанович говорит: «Не надо извиняться, все правильно, отдыхайте», — и тихонько закрыл дверь.

Он очень любил свою работу, ежедневно бывал в поле. А однажды был в Москве на совещании, и когда приехал, прямо с вокзала — в поле (мы как раз убирали питомник), поговорил с нами, а потом прошел по всем делянкам и почти каждую корзинку погладил рукой.

Василий Степанович старался сохранять старые кадры, и, хотя пожилые женщины были малограмотными, аккуратность и точность в работе была обязательной.

О нем можно сказать — Человек с большой буквы.

СЕЛЕКЦИОНЕР С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ

*Любовь Никифоровна Харченко,
доктор биологических наук,
лауреат премии Совета Министров СССР*

Мои воспоминания об академике Василии Степановиче Пустовойте, ученом с большой буквы, знаменитом селекционере с мировым именем, добрейшей души человеке относятся к 1960-1972 годам.

В январе 1960 года я была зачислена в очную аспирантуру ВНИИ масличных и эфиромасличных культур.

На одном из первых ученых советов института, после зачисления нас в аспирантуру, слова напутствия с добрыми пожеланиями мы услышали от директора В. М. Сулова и академика В. С. Пустовойта. Было сказано о значимости выполняемой нами работы, ответственности за каждый опыт, каждую цифру, о необходимости почасового учета времени по каждому опыту и отдельным его этапам. Обобщенно это прозвучало бы так: «Спроси себя в конце рабочего дня, что тобой выполнено?».

В те годы (1960-1962) коллектив института по численности сотрудников был невелик, и в работе ученых советов в обязательном порядке принимали участие не только сотрудники, но и аспиранты. Директор института В. М. Сулов, академик В. С. Пустовойт и руководители нашей аспирантской подготовки всегда подчеркивали значимость ученых советов в плане аспирантской подготовки – расширение кругозора и приобретение знаний по другим (смежным) специальностям. В. С. Пустовойт, не смотря на загруженность работой по руководству отделом селекции всех масличных культур и лабораторией подсолнечника, отъездами в Москву на заседания ВАСХНИЛ, тем не менее активно участвовал в работе ученых советов ВНИИМКА.

Во ВНИИМК работа отделов биохимии, физиологии, защиты растений, механизации, экономики планировалась и осуществлялась в соответствии с планом и задачами отдела селекции масличных культур и его лабораторий.

В годы моей аспирантской подготовки (1960-1962) В. С. Пустовойт очень часто приходил в отдел биохимии к заведующей Н. Ф. Дублянской. Его интересовал химический состав семян (ядер) подсолнечника и особенно плодовой оболочки в связи с проводимыми им исследованиями по созданию сортов устойчивых к различным патогенам, заразице, вредителям-насекомым. В этой неформальной обстановке мне приходилось обращаться к В. С. Пустовойту по методическим вопросам.

Хочется отметить особую черту характера В. С. Пустовойта. В период аспирантуры (1962 г.) я заболела (грипп, затем осложнения – рематоидный полиартрит), поэтому вынуждена была оформить академический отпуск, во время которого стипендия не выплачивалась. В. С. Пустовойт оказал мне материальную помощь с добрыми ободряющими словами. Это дало возможность уехать по месту жительства в г. Симферополь.

Другой случай проявления Василием Степановичем Пустовойтом доброты и заботы, но уже касающийся научных разработок, который я могу сейчас вспомнить, относится к 1967 году, к приобретению дорогого оборудования – хроматографов, но без необходимых термостойких колб и шариковых холодильников со шлифом, необходимых для получения из масел метиловых эфиров жирных кислот. Администрация института отказала выделить 200 руб., чтобы заказать у стеклодува необходимые приборы. Узнав об этом, В. С. Пустовойт пригласил меня к себе в отдел, уточнил, какая сумма необходима, и тут же позвонил в бухгалтерию и попросил оформить заказ и оплатить из средств лаборатории подсолнечника.

В работе сессии ВАСХНИЛ, проводившейся в 1968 году во ВНИИМК, приняли участие представители разных научных учреждений: Академии медицинских наук, Института питания АМН, Научно-исследовательских институтов жиров, пищевой, фармацевтической, лакокрасочной и других отраслей промышленности. Каждый из представителей этих учреждений высказал пожелания о необходимости селекции подсолнечника на качество масла (жирно-кислотный состав), о создании сорта с различным сочетанием в масле олеиновой, линолевой и пальмитиновой кислот.

Сразу же после сессии ВАСХНИЛ, в марте 1968 года, В. С. Пустовойт обратился ко мне, исполнителю анализов на жирно-кислотный состав масла, задав вопрос: «Тов. Харченкова, какое количество анализов на качество масла Вы можете выполнить для отдела подсолнечника?». Я ответила: «Такое, какое Вам необходимо для селекции». Через 10-12 дней из урожая 1968 года под непосредственным руководством Василия Степановича были отобраны и переданы на анализ 510 образцов семян из отдельных корзинок сорта Передовик. В последующие три года (1969-1971) в работу были включены другие сорта.

Сорта-популяции подсолнечника располагают потенциальными возможностями для отбора биотипов с различным соотношением в масле олеиновой, линолевой, пальмитиновой, стеариновой жирных кислот. Было выделено 4-5 % растений с повышенным (48-56 %) содержанием олеиновой кислоты. Исследования, выполненные на пяти сортах, в течение четырех лет не нашли своего продолжения из-за болезни академика В. С. Пустовойта. Галина Васильевна Пустовойт, исполняющая в тот период обязанности зав. лаборатории подсолнечника, при напоминании о необходимости создания сорта с высоким содержанием олеиновой кислоты отрицательно ответила: «Нет заказа от масло-жиро-

вой промышленности на такие масла, поэтому начинать селекцию в этом направлении не будем».

Однако селекция на качество масла подсолнечника состоялась благодаря селекционеру К. И. Солдатову, ученику В. С. Пустовойта.

НАШ СООТЕЧЕСТВЕННИК – ВЕЛИКИЙ УЧЕНЫЙ

Лидия Максимовна Щербакова

Василия Степановича Пустовойта впервые я увидела весной 1951 года. В те далекие годы Краснодар еще только поднимался из руин и пепла военных лет, и мы – студенты 40-х годов агрономического факультета Краснодарского института пищевой промышленности – систематически участвовали в субботниках по восстановлению разрушенного немцами здания на пересечении улиц им. Буденного и им. Седина. В дальнейшем в этом здании на базе агрономического факультета КИПП был организован Кубанский сельскохозяйственный институт.

В 1951 году здесь состоялся второй послевоенный выпуск агрономов уже не КИППа, а Кубанского сельскохозяйственного института. Председателем Государственной Экзаменационной комиссии был П. П. Лукьяненко, а членами этой комиссии В. С. Пустовойт и другие. Помню, как мы дрожали, когда из аудитории выходил очередной студент и сообщал, что члены комиссии тоже задают вопросы. Задавали вопросы и мне, содержания которых уже не помню. Но тот день и выдающиеся ученые-селекционеры Кубани за экзаменационным столом сохранились в памяти до сих пор.

После окончания института я работала агрономом-семеноводом в семеноводческом к-зе им. Сталина Майкопской МТС. Уже тогда имена П. П. Лукьяненко и В. С. Пустовойта были хорошо известны производителям. В то время я даже не могла предположить, что мне посчастливится работать в одном институте с Василием Степановичем, и не просто работать, а постоянно ощущать его поддержку.

Учась в аспирантуре ВНИИМК по специальности «Селекция и семеноводство», я неоднократно обращалась к Василию Степановичу за консультацией, и, несмотря на занятость, он всегда находил время для беседы.

Особенно запомнилось мне личное знакомство с Василием Степановичем, когда я впервые обратилась к нему. Накануне я очень волновалась и переживала, но когда вошла в его более чем скромный кабинетик на втором этаже красного корпуса, как-то сразу успокоилась и поняла, что здесь получу поддержку.

Василий Степанович очень заинтересовался, узнав, что в аспирантуру я поступила, уже проработав некоторое время в семеноводческом хозяйстве. Имея колоссальные достижения в селекции, являясь автором классической системы улучшающего семеноводства и других крупных научных разработок, он, тем не менее, интересовался мельчайшими агрономическими и организационными подробностями в работе колхоза. Его интересовало все: и отношение хозяйственников к семеноводческим посевам, и укомплектованность специалистами, техническая оснащенность хозяйства и другие производственные вопросы.

Незадолго до этого вышло Постановление Совета Министров СССР о необходимости перехода всех хозяйств на посевы зерновых и масличных культур сортами высококачественными семенами. Василий Степанович особенно интересовался отношением руководства колхоза к этому Постановлению. Его волновала слаженность работы хозяйств с Госсеминаспекциями, о повседневной работе которых он был хорошо осведомлен. Он сетовал на несовершенство некоторых методов оценки качества высеваемых семян и отсутствие должной объективности в нормативных требованиях к ним. В связи с этим он указал на необходимость более глубокого изучения биологии семян масличных культур с целью выявления новых возможностей повышения урожайности этих культур.

В основном это и определило общее направление моих дальнейших исследований.

Беседа была настолько доверительной, что я осмелилась рассказать Василию Степановичу о наших студенческих страхах перед комиссией на выпускных госэкзаменах. Он улыбнулся, сказав, что это чувство ему тоже знакомо.

Много интересного о Василии Степановиче рассказывал его ближайший соратник, а мой научный руководитель Дмитрий Парамонович Умен. По его воспоминаниям, будучи уже в преклонном возрасте, Василий Степанович оставался в очень хорошей спортивной форме, что позволяло ему неутомимо трудиться в поле, поражая этим более молодых людей. Больше того, в часы отдыха он мог, взявшись за ствол дерева, рывком оторваться от земли, принять горизонтальное положение и довольно долго продержаться на руках в таком положении. Это был не только крупный ученый, но и удивительный человек. Как заведующий лаборатории семеноведения Д. П. Умен всегда с благодарностью вспоминал о неоценимой помощи Василия Степановича в сложный период образования этой новой лаборатории.

Видимо, не только меня поражала феноменальная зрительная память Василия Степановича и дружелюбное отношение к простым людям. В самом деле, кто я такая по сравнению с ним – рядовая аспирантка, затем рядовой младший научный сотрудник, но никогда при встрече с ним я не ощущала превосходства или унижительной снисходительности с его стороны.

Василий Степанович отличался удивительной работоспособностью, был требовательным к себе и подчиненным и вместе с тем необыкновенно простым, доступным, отзывчивым и очень деликатным человеком. Таким запомнился мне наш соотечественник, великий ученый-селекционер Василий Степанович Пустовойт, светлый образ которого должен быть примером для будущих поколений.

ПАМЯТЬ О В. С. ПУСТОВОЙТЕ

Татьяна Анатольевна Перестова
(1933-2006)

Пришла я в институт 5 февраля 1963 года. Первый разговор после посещения заведующей научными кадрами Елены Захаровны Гейдельберг был с Дмитрием Парамоновичем Уменом, к которому она меня направила. А он, узнав, что я окончила биолого-почвенный факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, тут же предложил работать у него в лаборатории семеноведения.

И я в должности старшего лаборанта стала работать по теме: «Анатомия семян кориандра и шалфея мускатного». В те годы институт носил название НИИ масличных и эфиромасличных культур, но уже в 1965 году в Крыму был организован филиал по изучению эфиромасличных культур. Тогда институт в Краснодаре стал вести работу только с масличными культурами (ВНИИМК), заведующим отделом селекции и семеноводства и раньше был Василий Степанович Пустовойт, его заместителем — Дмитрий

Летом 1963 года В. С. Пустовойт был удостоен второго звания Героя Социалистического Труда и избран академиком АН СССР. Тем же летом ему был установлен памятник перед белым административным корпусом института. Василий Степанович присутствовал только на открытии памятника, в последующие дни он обходил его.

На полевые селекционные делянки последние годы он уезжал на машине, которую подавали к боковому входу старого красного здания, в котором раньше находилась Войсковая сельскохозяйственная школа. На втором этаже его есть маленькая комнатка, где был кабинет Василия Степановича, а ученые советы отдела селекции и семеноводства проходили в находящемся напротив бывшем кабинете директора института, после его переноса во вновь отстроенный административный корпус.

Через год с небольшим по представлению Д. П. Умена и поддержке Василия Степановича я была назначена стажером-исследователем и уже имела доступ на ученые советы отдела и института, а через два года стала младшим научным сотрудником лаборатории семеноведения.

Весной 1965 года Дмитрий Парамонович передал мне просьбу Василия Степановича зайти к нему. Идя по огромному коридору в маленький кабинет, я уже знала, что буду разговаривать с человеком, который в 1908 году начал здесь свою научную и педагогическую деятельность, а в 1912 г. превратил Войсковую сельскохозяйственную школу в первое на Кубани научное учреждение по изучению селекции растений, с 1932 года – Всесоюзный НИИ масличных культур (ВНИИМК). Я с трепетом подходила к кабинету академика...

Когда я вошла, Василий Степанович сейчас же встал из-за своего стола, пригласил меня сесть и только после того, как села я, сел сам! Кто была я? Старший лаборант, стажер-исследователь «со своей темой», но его интеллигентным отношением к женщине я была прямо покорена.

Разговор с самого начала был настолько простым и доверительным, что через несколько минут я перестала волноваться и поняла цель моего вызова: Василий Степанович предложил мне новый объект исследований – подсолнечник. Тут же он вызвал своего старшего научного сотрудника Александра Ильича Гундаева, и ими были сразу намечены образцы подсолнечника, анатомическое строение лужги семян которых я должна была изучить. Передо мной была поставлена цель – выяснить, что мешает повреждению семян гусеницами подсолнечной моли.

Выбор пал на три сорта: высокомасличный, недавно вышедший с сортоиспытания сорт Передовик лучший в те годы; старый заслуженный «исторический» сорт Круглик А-41, который еще до ВОВ символизировал возможность повышения масличности семян; внутривидовой гибрид

Тройной-24. Выбор этот был настолько глубоко продуман, будто авторы его заранее предвидели результат. Спустя время, необходимое для приготовления срезов плодовой оболочки семян и рисунков её анатомического строения, результаты моей работы были представлены В. С. Пустовойту и А. И. Гундареву. Оба ученых оценили их как неожиданные и многообещающие.

Разговор был долгим, а затем Василий Степанович предложил мне начать сравнительное изучение анатомии плодовой оболочки семян сортов и внутривидовых гибридов культурного подсолнечника в большем объеме. После общения с таким, как Василий Степанович, человеком возникало ощущение своей надобности, даже необходимости в науке. Ведь он уже тогда смотрел вперед, хотя перед ним были только начальные наброски работы. И всякий раз после посещения и очень кратких разговоров с Василием Степановичем усиливалась уверенность в своих силах, в правильности выбранного пути. Ведь именно он показал мне его и направил меня на этот путь. И я очень этим горжусь!

Изучая анатомию плодовой оболочки семян культурного подсолнечника, я получила возможность сравнить современные сорта по степени их устойчивости к поражению гусеницами подсолнечниковой моли *Homoeosoma nebulella* Нб.

В конце семидесятых годов на севере СССР в Мурманской области было совершено тяжкое преступление: была убита девочка 12-14 лет. Следователи нашли убийцу, который отрицал свою вину. Нужны были доказательства для его наказания. настолько велика была известность «родителя» современных сортов подсолнечника, что, когда нашли на месте преступления отгрызки семян, а в кармане куртки преступника целые, ещё не догрызанные в ожидании жертвы семечки, Василию Степановичу срочно была выслана

на бандероль с двумя пакетиками и с просьбой определить одни и те же ли это были семянки.

Я была вызвана к Василию Степановичу, и совершенно не подозревала, что меня ждет. А он попросил меня срочно провести анализ лузги этих двух образцов, объяснив предварительно, что стоит за этой просьбой. Надо было видеть, с какими переживаниями мне было рассказано о причине этой срочной просьбы. Соответственно и я приложила максимум усилий и вскоре принесла Василию Степановичу рисунки анатомического строения лузги разлущенных и целых семянок. Таким образом, у нас был документ, доказывающий идентичность обоих присланных образцов. Об этом доложили на ученом совете отдела селекции и семеноводства. Я до сих пор помню, как благодарил меня Василий Степанович за помощь.

Однажды, это было уже после перехода в институт Галины Васильевны и подбора ею коллекции диких видов *Helianthus*, Василий Степанович пригласил меня к себе и предложил расширить круг моих исследований. Не сразу к коллекции диких видов, особенно только недавно полученных межвидовых гибридов, подпустила меня Галина Васильевна. Пришлось мне самой просить Василия Степановича о приеме и слегка «пожаловаться» на Галину Васильевну. На следующее утро она нашла меня и пригласила на коллекционный участок, все мне показала, объяснила отличие пloidных групп друг от друга...

В 1969 году Галина Васильевна с блеском защитила диссертацию в ГБС АН СССР и 10 минут была кандидатом с.-х. наук, затем после второго тура голосования стала доктором с.-х. наук. Конечно, гордость испытывали оба: и отец и дочь. Ей удалось создать гибриды подсолнечника с комплексом новых и важных свойств, т. е. гибриды, имеющие групповой иммунитет. Галина Васильевна сделала все, чтобы сбылась мечта её отца.

Конечно, общения с Василием Степановичем были редкими, но я всегда чувствовала его внимание, сначала через А. И. Гундаева, реже через Д. П. Умена. Нельзя забывать, что на исследования семян диких видов *Helianthus* меня направил всё же сам Василий Степанович. Именно поэтому, когда его не стало, я обратилась к Галине Васильевне, как его наследнице, с просьбой о руководстве над моей работой, а вслед за этим и диссертацией. Ведь я использовала в своей работе полученные ею гибриды.

Вот так получилось, что, не проходя курса аспирантуры, но сдав кандидатский минимум, я положила перед Галиной Васильевной диссертацию. Она, как истинная наследница Василия Степановича, посоветовала мне дать работу для прочтения и отзыва ведущим ученым института — Галине Сергеевне Воскресенской и Анне Аркадьевне Бородулиной. Галина Сергеевна в далеком довоенном времени работала в ВИРе, она и рекомендовала защищать диссертацию в Ленинграде, в этом фирменном научном учреждении, основанном академиком Н. И. Вавиловым. Я очень благодарна за этот совет ей, человеку, которого очень уважал Василий Степанович, это было заметно на каждом ученом совете отдела.

Так память о Василии Степановиче, очень умном и простом интеллигентном человеке, сопровождала меня и после 1972 года, когда тяжелым бременем упала на селекционеров подсолнечника и всех работников ВНИИМКа весть о его кончине, и во время защиты диссертации, когда вопросы задавал академик Н. И. Будин, хорошо его знавший.

Память возвращает меня в день похорон Василия Степановича. Сколько было людей! Весь институт, Кубань прощались со своим человеком, даже природа плакала!... Прощались с ним и очень многие сотрудники КНИИСХ во главе с Павлом Пантелеймоновичем Лукьяненко! Необходимо вспомнить, что этих ученых, великих труженников, со-

вершивших выдающиеся открытия по двум очень важным для Родины растениям: пшенице и подсолнечнику, связывала не просто дружба, а глубокое и давнее уважение к работам друг друга. И это несмотря на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте, несмотря на то, что П. П. Лукьяненко был одним из первых студентов-практикантов Кубанского с.-х. института, которые в «Круглике» проходили наглядные уроки по основам селекции и методике агротехники полевых культур. Этим гордились оба – и П. П. Лукьяненко и В. С. Пустовойт. Это чувствовалось во всем: и в их работе, и в выступлениях, и в печати. Они были единомышленниками, оба соизмеряли свои достижения с практической пользой для растений и для людей.

Академик В. С. Пустовойт – ученый-первопроходец, его можно отнести к разряду тех людей, которые о себе рассказывают скупо и не допускают шума вокруг своего имени. Признание работ В. С. Пустовойта заключается и в том, что высокомасличные сорта из нашей страны находятся в руках всех селекционеров мира, они составляют основу производства подсолнечника везде, где он высеивается, – в странах Европы, в США, Канаде, Африке, Азии, Австралии.

Всеми всегда отмечалось, что уважаемый Василий Степанович спрашивал и заинтересованно выслушивал своих помощников, всех сотрудников, никогда не повышая голоса, с искренним уважением, зная, какой объем опытов ими прорабатывается.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С В. С. ПУСТОВОЙТОМ

Анатолий Алексеевич Свиридов

Был 1963 год. Я только поступил на работу во ВНИИМЭМК и помню первое обращение к В. С. Пустовойту. Руководитель нашей лаборатории В. А. Мошкин, уезжая в командировку, вечером дает мне задание посеять сорт клещевины Круглик 5 на втором изоляторе. Это означало, что утром необходимо пойти на поле, и если почва подготовлена к посеву, то взять рабочих и засеять участок. Если не подготовлена, то нужно обратиться к агроному И. А. Губину, чтобы была сделана культивация и маркировка. «Будут затруднения, обратитесь к заведующему отделом селекции В. С. Пустовойту», – сказал В. А. Мошкин. Утром я пошел на поле, почва оказалась не подготовлена. Я нашел агронома И. А. Губина и объяснил создавшуюся ситуацию. Он сказал, что не имеет возможности выполнить эту работу, так как все трактора заняты. Мне пришлось обратиться к В. С. Пустовойту. Василий Степанович сказал: «Найдите И. А. Губина, и пусть зайдет ко мне». Я передал агроному просьбу Василия Степановича. В конце этого же дня почва на участке была идеально обработана и промаркирована. На следующий день с утра мы начали сеять и засеяли весь участок. Вот так, под руководством Василия Степановича оперативно решались любые вопросы.

Шли годы. Я окончил аспирантуру и подготовил кандидатскую диссертацию. Однажды заходит в лабораторию В. А. Мошкин и, обращаясь ко мне, говорит: «Берите диссертацию и пойдите к В. С. Пустовойту». Это был 1971 г. Приходим, Василий Степанович снимает очки, берет диссертацию и просматривает её лист за листом. Я был потрясен, что, будучи уже в довольно преклонном возрасте, Василий Степанович четко формулировал вопросы и внима-

тельно выслушивал мои ответы. Так он просмотрел все разделы, касающиеся селекционной работы. Затем закрыл диссертацию и спросил, что еще у вас. Я ответил, что в диссертации имеется раздел по первичному семеноводству. Если закладывать питомники оценки потомств на инфекционном фоне, то уже по существующим сортам можно значительно повысить их устойчивость к фузариозному увяданию в процессе первичного семеноводства. На этом просмотр диссертации закончился, а Василий Степанович пожелал мне успешной защиты.

Памятно мне одно заседание отдела селекции. Вел его В. С. Пустовойт. Шли аттестации аспирантов. Когда заседания закончивались, все уходило, а заведующие лабораториями оставались, оставили в тот раз и меня. Дали бумагу и сказали: «Ведите протокол». Стоял вопрос о методике работы по селекции одного из селекционеров отдела. Заседание было бурным и во многом эмоциональным (местами «гром и молнии»). Высказывались довольно полярные точки зрения, и я едва успевал записывать по несколько фраз. Когда выступили все заведующие, Василий Степанович подвел итог. Он так интеллигентно, лаконично, спокойно и логически всю прошедшую дискуссию разложил по полочкам, и все поняли, что «метать гром и молнии» не следовало.

После этого заседания я сделал важный для себя вывод: «Коллег по работе не нужно прессинговать, им нужно помогать, если они в этом нуждаются и принимают помощь». А протокол, к моему глубокому удовлетворению, не понадобился.

Василий Степанович очень гордился работой по селекции сортов подсолнечника на устойчивость к заразихе. Он говорил, что на защиту подсолнечника от заразихи в производственных условиях не было потрачено ни рубля. Все сделано выведением устойчивых сортов сначала к заразихе расы А, а затем и Б. Эти высказывания я вспомнил, когда в

1998 году, вместе с Ф. И. Горбаченко был в Ростовской области на «Дне поля» по подсолнечнику, сорго и кукурузе.

Демонстрационный участок оказался на поле, которое было сплошь заражено заразихой. Заразиха на делянках, занятых иностранными гибридами и сортами других учреждений была такая мощная, густая и высокая, что вызывала удивление, и только сорта и гибриды центральной экспериментальной базы ВНИИМК и его опытных станций – Донской и Армавирской, где велась работа на этот признак, были устойчивы к этому растению-паразиту.

В 1965 году от института отделились эфиромасличные культуры, и сотрудники уезжали в Крым. Василий Степанович собрал отдел селекции, чтобы попрощаться и проводить Глущенко Нину Николаевну – селекционера по кориандру на новое место работы. Постепенно разговоры от прощаний перешли на научные темы. Меня всегда поражала четкость формулировок в речи Василия Степановича.

Был затронут вопрос о пространственно изолированных участках для селекционной работы по перекрестноопыляемым культурам (изоляторы). Василий Степанович говорил, что это очень важное звено в селекционном процессе и в зависимости от того, какой материал поместить и как его разместить в изоляторе, зависит успех в работе. И сказал четко: «Изоляторы – вот, где простор творчества».

Говоря о семеноводческой работе, Василий Степанович сказал: «Семеноводство – это приводной ремень науки к производству. Без хорошо налаженного семеноводства не будет больших успехов по внедрению новых сортов в производство».

Методика первичного семеноводства позволяет не только размножать сорта, но и улучшать их по комплексу признаков. По сути, эта методика является продолжением селекционной работы по любому из улучшенных сортов. Этот факт подтверждается районированием целой группы

сортов подсолнечника как улучшенных в процессе первичного семеноводства. Проведенной работой Василий Степанович очень гордился.

Василий Степанович мог рассказать и забавные истории. Однажды после обеда на стоянке, откуда отправлялся автобус в поле, вокруг Василия Степановича собралась группа молодых сотрудников, и он рассказал нам поучительную историю.

Это было в двадцатые годы, когда на полях Кубани свирепствовала головня, сильно повреждала пшеницу и наносила значительный ущерб производству зерна. Борьба с этой болезнью осуществлялась путем протравливания семян формалином в определенной дозировке. Василий Степанович взял два ящика: в одном посеял не протравленные семена пшеницы, а в другом протравленные. Когда пшеница созрела, Василий Степанович собрал казаков и показал свой опыт. В ящике, где были посеяны непротравленные семена пшеницы, было сильное поражение головней колосьев и фактически урожая не было. В ящике с протравленными семенами растения не были поражены головней и сформировали хороший урожай. Но казаки не верили и не хотели у себя протравливать семенной материал. И говорили: «Это же в ящиках, а вот поп Василий обработал семена и посеял на своем участке, так пшеница вообще не взошла». Василий Степанович разбирался с этим случаем, и оказалось, что поп Василий при обработке семян превысил дозировку формалина и фактически умертвил зерно.

Тогда Василий Степанович вызвал казаков на спор: «Давайте на вашей земле одну половину участка засеем протравленным зерном, другую половину обычным, как вы всегда сеете, а урожай поделим поровну». «И один, – как сказал Василий Степанович, – рисковый казак согласился». Заключили с ним договор, и атаман утвердил его своей печатью. Посеяли, а в этот год развитие головни было очень сильным.

На участке, где засеяли непротравленное зерно, урожая не было, а с другой половины собрали хороший урожай и поделили поровну, согласно договору.

Вторая история не менее забавна. Как-то выступая перед казаками, Василий Степанович рассказывал о биологии развития насекомых. Он говорил, что жук откладывает яйца, а из яиц появляются личинки, которые питаются растениями, повреждая их. Затем личинки окукливаются и т.д. весь процесс развития насекомых, казаки внимательно слушали. И каково было его удивление, как рассказывал Василий Степанович, что когда он пришел на Сенной базар, а там стоит группа казаков и, показывая на него пальцем, говорят: «У вон того мужика жуки яйца несут». Мы со смеху чуть не попадали, а Василий Степанович при этом тоже очень весело и заразительно смеялся.

Василия Степановича отличало бережное отношение к продукции растениеводства, которое четко проявилось даже на таком маленьком примере.

Около полевого стана Гаркуши был небольшой, в один гектар, участок семенной люцерны. Люцерна была посеяна широкорядно, прокультивирована и всегда стояла без сорняков. Василий Степанович очень гордился участком и говорил, что с этого участка мы берем 5 центнеров качественных семян люцерны, а это хороший урожай для семенной люцерны. Однажды на этом участке скосили люцерну и сгребли в валки для последующего обмолота. Тракторист, выезжая с поля, часть валка выложил на дорогу. Мы, небольшая группа молодых сотрудников, находились на Гаркушах, занимались своей работой, видим, едет на «Волге» Василий Степанович Пустовойт, остановился, вышел из машины, подошел к валку, взял охапку люцерны и за три раза перенёс валок с дороги на поле, аккуратно сложив его в другой валок.

РАБОТАТЬ С НИМ БЫЛО ПОДАРКОМ СУДЬБЫ

Виктор Игнатьевич Клюка

Уже одно то обстоятельство, что ты работаешь в отделе селекции и семеноводства ВНИИ масличных культур под руководством академика Василия Степановича Пустовойта являлось подарком судьбы, поскольку целеустремленность исследований и по-настоящему благоприятная рабочая обстановка в коллективе способствовали творческому росту, постоянному повышению профессионального уровня.

Василий Степанович был выдающимся селекционером по подсолнечнику, но так как он возглавлял отдел селекции и семеноводства масличных и эфиромасличных культур (с 1954 по 1965 гг. институт назывался Всесоюзный научно-исследовательский институт масличных и эфиромасличных культур – ВНИИМЭМК, и весь комплекс работ проводился и с эфиромасличными культурами), то, обладая завидной работоспособностью и широкой эрудицией, с успехом руководил селекционным процессом этой большой группы культур. И те, кто работал с В. С. Пустовойтом в 50-70-х годах прошлого столетия, видели в нем не только авторитетного руководителя, но и ощущали его постоянную заботу и помощь при проведении селекционных и семеноводческих работ как с масличными, так и с эфиромасличными культурами.

Василий Степанович всегда придавал большое значение дальнейшему развитию селекции подсолнечника и других культур на основе использования более совершенных приборов и оборудования.

Он был инициатором многих нововведений, интенсифицирующих селекционный процесс, в том числе и создания во ВНИИМКе фитотронно-тепличного комплекса – уникального сооружения с многоцелевыми камерами искусственного климата и специальными вегетационными теплицами, работа

в которых направлялась на проведение круглогодичных селекционных исследований по подсолнечнику и другим масличным культурам.

Поскольку мне было поручено возглавить реализацию этого проекта, я не однократно обращался к Василию Степановичу с различного рода ходатайствами в ВАСХНИЛ, Минсельхоз и Совет Министров СССР о финансировании заказов на приобретение импортных камер искусственного климата и другого оборудования (в то время еще не было отечественного подобного оборудования).

Василий Степанович никогда не отказывался от таких хлопотных дел. И надо прямо сказать, что не будь в этих деловых письмах подписи академика В. С. Пустовойта, вряд ли бы ВНИИМК имел такой фитотронно-тепличный комплекс, который в начале 70-х годов прошлого столетия уже работал по намеченной программе на полную проектную мощность.

К большому сожалению, болезнь Василия Степановича в те годы не позволила ему лично в полной мере использовать фитотрон для целей селекции подсолнечника. Но его идеи по интенсификации селекции масличных культур активно осуществляются, и долго еще будут проводиться его учениками.

В. С. ПУСТОВОЙТ – УЧЕНЫЙ, ТРУЖЕНИК И ЧЕЛОВЕК

Виктор Иванович Марин

Поступил я в институт, тогда ВНИИМЭМК, 1 декабря 1963 года на должность агронома отдела земледелия к Павлу Григорьевичу Семихненко. Было мне 26 лет. Кажется, давно и одновременно – недавно. Выходит, что при Василии Степановиче Пустовойте я работал 9 лет. Директором в то время был Виктор Максимович Суслов – очень сильная личность, и как человек, и как хозяйственник.

Василий Степанович Пустовойт, тогда еще энергичный человек, возглавлял отдел селекции всех культур. Он очень часто выступал на ученых советах, говорил просто и доступно пониманию любого человека. Я с удовольствием слушал его выступления, входя постепенно в научную работу института. Он легко доказывал аудитории, какое громадное значение имел подсолнечник для населения страны, тогда еще большой и целой, стран Варшавского договора и для государств капиталистического мира, возделывающих эту культуру. Говорил, показывая на цифрах, о той громадной прибыли всех хозяйств, выращивающих подсолнечник. В его докладах обязательно звучали характеристики его сортов, в то время самых лучших в мире.

Василий Степанович Пустовойт был высокозрудированным во всех вопросах человеком. Он имел мягкий характер в обращении с подчиненными и никогда не повышал голоса, однако все подчиненные и коллеги беспрекословно, и с большим желанием, выполняли его распоряжения и просьбы.

Василий Степанович всегда очень сильно переживал за выполняемую работу. Во время уборки озимой пшеницы каждый день сидел на лавочке между двумя тополями, которых давно уже нет и в помине, и ждал ежедневных результа-

тов по урожайности. И так весь сезон до 12-ти часов ночи. Всегда спрашивал у меня о сельскохозяйственных результатах. И я откровенно отвечал ему, что вызывало определенный гнев моего шефа (заведующего). Но цифры по урожаю были близкими, т. к. агротехника возделывания в то время была на достаточно высоком уровне во всем институте.

Я почерпнул у него, а потом пользовался всю жизнь, многое из приемов ухода за подсолнечником. Он всегда делал первую междурядную культивацию глубокой, на 10, а то и 12 см. Получалась довольно грубая разделка, но уже к цветению почва на поле была разделана как «пух» и не образовывала в августе трещин.

Василий Степанович Пустовойт многим сотрудникам в институте помогал по любым вопросам. Так он помог приобрести автомобили, а их тогда купить было практически невозможно, многим работникам как науки, так и производства. Он оказал услугу в этом вопросе и мне. После подписания заявления уже через 2 месяца я получил, тогда еще только вышедший с конвейера, автомобиль 43-сильный «Запорожец». Это говорит о его человечности, значении его для края и огромном уважении к нему со стороны краевых органов.

Василий Степанович испытывал ко мне какие-то личные симпатии. Дело в чем? В том, что в институте только два человека родились на Старый Новый год: он – 15, я – 14 января, но конечно в разные годы. И вот на первом году моей работы в институте, вдруг по телефону вызывает меня Пустовойт. При этом тихим, приятным голосом сказал: «Зайдите, пожалуйста». Я, конечно, немного недоумевал и волновался. Он усадил меня против себя и спрашивает: «А почему вам дали неправильное имя – Виктор, рожденным на Старый Новый год дается имя – Василий». Я ответил, что 2 месяца я был Василием, а при регистрации родители передумали и назвали Виктором. «Жаль, жаль, – сказал В. С. Пус-

товойт, — А то бы нас в институте было двое с таким именем».

И вот в октябре 1972 года Василия Степановича не стало. Была прекрасная теплая и солнечная погода. Хоронили академика из малого зала крайисполкома. Улица Красная и Ворошилова были забиты народом. Все пришли проститься с Василием Степановичем.

Кроме краевого начальства — Г. С. Золотухина и С. Ф. Медунова — присутствовала делегация из ВАСХНИЛ во главе с Павлом Павловичем Лобановым; были и представители Большой академии.

ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ МОГЛО НЕ БЫТЬ

*Валентина Васильевна Ефремова,
профессор кафедры генетики, селекции и семеноводства Куб ГАУ*

Будучи аспиранткой кафедры селекции и семеноводства Воронежского СХИ, я выполняла исследования по подсолнечнику. Планом работы было предусмотрено определение масличности и жирно-кислотного состава масла изучаемых сортообразцов. С этой целью в 1964 году я приехала во ВНИИМК в г. Краснодар. Тогда и произошло мое знакомство с академиком В. С. Пустовойтом. Он любезно разрешил провести необходимые исследования в биохимической лаборатории института, предварительно поинтересовавшись, кто я и откуда, чем конкретно занимаюсь. После краткой беседы сказал, что, если будут проблемы, можно к нему обращаться. Перед встречей я волновалась, так как мне говорили, что он человек строгий и требовательный, и к тому же занятой. После этой встречи мне стало легко, т. к. страх отступил. Заручившись поддержкой Василия Степановича, я без труда могла определить свой материал на исследования. Лабораторией тогда заведовала Н. Ф. Дублянская, но в этот момент она болела, и мне помогала А. Г. Малышева.

Быстро пролетело время командировки. Мне понравился институт и то, как ко мне отнеслись сотрудники. Ни на что не рассчитывая, зашла в отдел кадров узнать, бывает ли какая-нибудь возможность трудоустройства после окончания аспирантуры. Мне ответили, что обычно обходятся своими кадрами. К Василию Степановичу зашла в день отъезда просто сказать спасибо. Но он уже знал, что я интересовалась будущей работой. Я почувствовала, что академик проявил какой-то интерес, так как расспросил о семейном положении, кем и где работает муж. Узнав, что мой муж селекционер,

кандидат наук (он работал тогда на Льговской опытно-селекционной станции Курской области, в отделе селекции сахарной свеклы), произнес: «А это тоже интересно». Я успела сказать, что до поступления в аспирантуру пять лет работала на этой станции в отделе семеноводства сахарной свеклы. В ответ услышала: «У Вас хорошая школа». А также он попросил оставить свои координаты в отделе кадров.

Вскоре, на имя мужа (Ефремова А. Е.) пришло приглашение приехать в институт на собеседование. Он вспоминает, что с ним разговаривали отдельно каждый, директор института Суслов В. М. и Пустовойт В. С. Во время беседы показали фотографии разных питомников подсолнечника и, как бы между прочим, спросили, что же это за питомники. На фото видна была площадь делянок, по которой и можно было судить о названии питомника. Только спустя некоторое время мы поняли, что это был своего рода «тест», проверка знаний. Вот такой отбор мы прошли, прежде чем попали в г. Краснодар, во ВНИИМК.

На всю жизнь запомнила еще один поучительный случай, который связан с защитой моей диссертации в Воронежском СХИ. Я не вручила свой автореферат Василию Степановичу, не хотелось отвлекать от работы, да и, честно говоря, стеснялась. Но он узнал о предстоящей защите диссертации, и сам пришел с предложением дать отзыв. О такой поддержке молодому специалисту можно было только мечтать.

А какая гордость переполняла меня, как соискателя, когда объявили среди приславших отзыв на мой автореферат фамилию Пустовойта В. С., а за свой поступок стыдно до сих пор.

В. С. Пустовойт тогда жил в частном доме с дочерью Галиной Васильевной и внучкой, не далеко от института. По приглашению Галины Васильевны я однажды посетила их дом. Когда шла туда, думала увидеть что-то такое, что отли-

чат академика от других сотрудников института. К моему удивлению в комнате, где я была, все было просто, ничего лишнего, все стояло на своих местах. В доме жил большой красивый кот сибирской породы. Галина Васильевна сказала: «Зовут его Васькой, но папа не обижается, а потому он любим всеми». Василий Степанович работал в своем кабинете, вышел один раз. Поздоровался, сказал, что занят и не может поддержать женской беседы. А мне подумалось, что за строгим внешним видом стоит обычный человек с своими слабостями, добрый и отзывчивый. Об этом говорили многие, кто знал академика много лет. Он никому не отказывал в сильной помощи, если к нему обращались.

Нам лично пришлось в этом убедиться. Неожиданно заболел мой муж, диагноз, поставленный врачами, был неутешительным. На помощь пришел академик Пустовойт. Он сам договорился с квалифицированными специалистами о проведении дополнительного обследования. К счастью, диагноз не подтвердился, и не надо было проводить лечение, которое вместо пользы могло навредить. Наша семья до сих пор (всю жизнь) благодарна Василию Степановичу за его помощь.

Василий Степанович был очень пунктуальным человеком, благодаря чему многое успевал делать. На работу он ходил пешком мимо дома на улице Филатова, 17а, где мы жили. Шел минут за сорок раньше положенного времени и так ежедневно. Я начинала спешно собираться на работу, когда видела проходящего мимо академика.

Позже, когда я ушла на преподавательскую работу в Кубанский СХИ, мы встречались с В. С. Пустовойтом уже как с лектором, его приглашали читать лекции по селекции подсолнечника. Несмотря на занятость, он никогда не отказывался поделиться с молодежью своими успехами и проблемами.

Общение с таким человеком оставило неизгладимый след в моей жизни.

КАКИМ МНЕ ВИДЕЛСЯ ЧЕЛОВЕК-АКАДЕМИК В. С. ПУСТОВОЙТ

Антонина Григорьевна Бехтер

В начале 1964 года я поступила работать в институт, который носил аббревиатурное название ВНИИМЭМК, в отдел физиологии растений, которым в то время заведовал Анатолий Яковлевич Панченко – друг и соратник академика В. С. Пустовойта.

В отдел физиологии Василий Степанович приходил часто, т. к. здесь проводилась оценка его сортов на устойчивость к злостному растению-паразиту – заразихе по разработанной Анатолием Яковлевичем методике. Он мог подолгу беседовать с А. Я. Панченко в рабочем кабинете, а затем они отправлялись в теплицы, где в ящиках, наполненных почвенно-песочной смесью с разной инфекционной нагрузкой семян заразихи, проводилась оценка на устойчивость его селекционного материала.

Здесь мы могли наблюдать, как они переходили от стеллажа к стеллажу, слышать тихий и спокойный голос академика, задающего вопросы Анатолию Яковлевичу. Таких случайных встреч было немало: Василия Степановича можно было увидеть на территории института, в конференц-зале на заседаниях ученого совета и аттестациях, а также в поле. Не смотря на преклонный возраст, он оставался деятельным человеком.

В моем представлении и воображении Василий Степанович Пустовойт запечатлелся как человек-эталон ученого. Работал Василий Степанович с полной отдачей всю свою долгую трудовую жизнь, о чем свидетельствуют отчеты, публикации и книги.

В годы его трудовой деятельности я была еще слишком молода и многого, возможно, не понимала до конца, но тем не менее к этому человеку было какое-то особое отно-

шение. Что-то было в его личности такое, что побуждало к вниманию и почтению этого человека. И это было не почтение его титулованности и не поклонение его заслугам. Нет. Это было глубокое уважение к нему как к доброму, доступному, а потом уже мудрому человеку. Добрая улыбка, слова приветствия раньше, чем ты пошлешь их. Инициатива приветствовать первым была всегда за ним. Он первым с проходящими по территории института здоровался. Мы были молодыми, и казалось, от нас должна бы исходить эта инициатива, но Василий Степанович и здесь был первым.

Повзрослев и продолжив работать в этом замечательном учреждении, я была вынуждена время от времени возвращаться к жизнедеятельности этого замечательного человека и выдающегося ученого. Запечатлевшие в молодости память и воображение, как глубокий источник, впоследствии источали то те, то другие моменты, свидетельства, эпизоды из его жизни.

Будучи возведен людьми на пьедестал человеческой славы, он добровольно сбросил с себя это тяжелое для него бремя и ходил в каком-то непостижимом смирении. Он был не робким человеком. Нет. Это — сильная натура, волевая, мужественная, энергичная, предприимчивая. Обычно люди с таким набором свойств характера импульсивны. Но Василий Степанович находил в себе внутренние силы, чтобы останавливаться. Он никогда не торопился представлять ученому миру открытия, многократно и тщательно не проверив данные. В этом плане Василий Степанович был весьма ответственным, перестраховывался. Это я слышала не однократно от своего руководителя, талантливого и истинного ученого, Александра Борисовича Дьякова, который общался с ним по поводу совместных публикаций статей и обсуждал важные вопросы, касающиеся селекции подсолнечника. Не только в науке, но и в повседневной жизни Василий Степанович оста-

вался честным, последовательным. Он с теплотой и для многих утраченной добротой относился к людям.

Дар наблюдательности и проявление доброты реализовывались им всегда на практике, если был для того случай. Заведуя большим отделом селекции и семеноводства всех масличных культур, в состав которого входило несколько лабораторий, а значит и много сотрудников, он с глубоким почтением относился к каждому (хочется подчеркнуть к каждому). Об этом свидетельствовали те, кто трудился с ним рядом: Золотарева Валентина, Леуцкая Екатерина, Ищенко Антонина, с которыми я дружила, а с Валею и Тоней даже жила в одной комнате в общежитии.

И это не слова. В коллективе отдела селекции в то время работали в качестве рабочих простые труженицы, имевшие начальное образование. Уважая этих преданных делу простых людей, Василий Степанович не игнорировал их мнение. По их просьбе в религиозный праздник (на пасху) он мог отложить посев питомников, хотя время, казалось, не терпит. Это из свидетельств тех же работниц. И они в знак своей благодарности академику после праздников работали с удвоенной отдачей и, как правило, с посевом укладывались в установленные сроки.

Не менее внимательно он относился и к возможности поощрить каждого из работников отдела. У него и здесь проявлялся индивидуальный подход, как и во всем, что он делал. Это ли не свидетельство его внимательности и почтительности к людям? Этим он завоевывал сердца людей.

Лично я сама, работая не в его подчинении, испытывала его участливое внимание. Приходилось бывать в поле на работах, связанных с пофазным отбором проб семян, и возникали сложности такого порядка – как добраться обратно? Автобус приходил по расписанию. А работа зачастую была выполнена намного раньше того времени, когда придет автобус, оставалось только идти пешком.

Отличительной чертой того, что ты работник института, был белый медицинский халат, который носили все: научные сотрудники, лаборанты, рабочие. И водители всех видов институтского транспорта знали об этой специальной форме одежды. Для одних она была знаком, что это «свои» люди, а другие её не замечали. На полевой дороге тебя могли обогнать, подняв столб пыли, многие проезжие машины, хотя они и были институтские, но мало кто из водителей останавливался, даже если ты поднимал руку, прося притормозить.

Но Василий Степанович не проезжал мимо. Мне запомнился один такой случай, когда машина академика, поравнявшись с нами, замедлила движение, и Василий Степанович спросил: «Вам куда?». Мы ответили, что идем на центральную базу, т. е. в институт. Он вежливо пригласил занять места в машине (нас было 3 человека). Когда машина тронулась, Василий Степанович попросил водителя завезти его на запланированный для осмотра питомник, который располагался по пути нашего следования. Водитель подкатил к питомнику, и Василий Степанович, выходя из машины, дал указание водителю отвезти нас в институт и вернуться за ним.

Будучи весьма занятым, творческим человеком, Василий Степанович не забывал о простых нуждах людей. Он им служил. Любовь к человеку – вот, пожалуй, тот движущий фактор и человеческое кредо, которые давали ему силы трудиться и трудиться над сотворением нового растения подсолнечника, которое бы служило людям.

Работая в институте и живя в молодежном общежитии (это была вторая половина 60-х годов прошлого столетия), я часто приходила в вечернее время на физплощадку закрывать на случай дождя в темные домики вагонетки с растениями масличных культур, которые были на контролируемом водном режиме, или просто гулять по ин-

ститутским аллеям, когда можно было спокойно наблюдать за всем, что происходило на территории после работы. Удивляло то, что институт как бы продолжал свой рабочий ритм. Для истинных ученых в институте не было официального рабочего времени. Свет электрических лампочек в окнах можно было видеть и после 21 часа. И меня часто привлекали эти огоньки в окнах кабинетов, за которыми продолжался труд ученых. В окнах кабинета Василия Степановича иногда тоже горела лампочка Ильича, это означало, что академик еще работает.

В те годы он еще непродолжительное время жил в 300 метрах от института в своем частном доме, затем ему была предоставлена прекрасная квартира в центре города, и на доме по ул. Пушкина, 35 теперь можно видеть мемориальную доску, посвященную академику В. С. Пустовойту.

Размышляя о достигнутых им результатах и о его чертах характера, я хотела понять, откуда идут истоки становления его как личности. И вот, бывая в институтском музее академика В. С. Пустовойта, изучая материалы стендов, я старалась вникнуть в тайны сухих, лаконичных цифр и слов, в которых, как правило, зашифрована сущность человека и его характер. И вот первый документ об окончании специального учебного заведения – АТТЕСТАТ первого разряда об окончании Харьковского земледельческого училища. На первом месте в аттестате стоял предмет – Закон Божий. Напротив стояла оценка 4,5, в скобках – очень хорошо. Познание Закона Божия оценивалось высоко. И передо мной как бы раскрылись план и путь, приведшие его к человеческой славе. Он был смолоду наставлен жить по Слову Божьему: честно, чисто, справедливо, любя ближнего. В науке он был честен, и данные его исследований были правдивыми. Этот урок он применял всю свою жизнь, оставаясь смиренным, кротким, честным и дотошным человеком до конца своих земных дней. Он был научен правде, трудолюбию и честно-

сти еще будучи студентом училища, а возможно, и в семье родители воспитывали в нем эти жизненно важные принципы бытия.

Вот почему ему в жизни были чужды гордость, высокомерие, чванство, себялюбие (мне и только мне), а присущи — кротость, смиренность, человеко- и миролюбие. Он был доступен каждому. Нужды других им принимались, как свои.

Так Василий Степанович через всю жизнь шел к намеченной цели с силами, которые были заложены в нем смолodu, не прикрываясь никаким членством, никаким авторитетом. Он с победой дошел до конца дней земных, показывая свое самоотверженное, честное, самостоятельное и добровольное служение Отечеству.

Светлая память о Василии Степановиче еще для многих поколений ученых будет сиять как светило лучезарное.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. М. Лукомец, Н. И. Бочкарев.</i> Творческое наследие выдающегося селекционера	3
<i>Д. С. Васильев.</i> Воспоминания о В. С. Пустовойте . .	15
<i>Г. С. Воскресенская.</i> Минутки из жизни Василия Степановича	17
<i>А. Б. Дьяков.</i> В. С. Пустовойт – Агроном, Ученый, Человек	33
<i>В. И. Шпота.</i> «Масличный батяк» кубанцев.	63
<i>В. Ф. Баранов.</i> Величие и простота	67
<i>К. И. Солдатов.</i> Вспомним о человеке	70
<i>М. А. Онищенко.</i> Уроки академика В. С. Пустовойта нашли свое отражение в производстве	74
<i>Е. К. Миронов.</i> Знакомство с В. С. Пустовойтом	77
<i>В. П. Илатовский.</i> Грани его характера	82
<i>В. Ф. Чуприна.</i> Он любил делать добро	86
<i>Н. Я. Никулин.</i> Пустовойт учил нас ответственности	88
<i>В. К. Кулагина.</i> Человек с большой буквы	89
<i>Л. Н. Харченко.</i> Селекционер с мировым именем . . .	90
<i>Л. М. Щербакова.</i> Наш соотечественник – великий ученый	94
<i>Т. А. Перестова.</i> Память о В. С. Пустовойте	97
<i>А. А. Свиридов.</i> Воспоминания о встречах с В. С. Пустовойтом	103
<i>В. И. Клюка.</i> Работать с ним было подарком судьбы	108
<i>В. И. Марин.</i> В. С. Пустовойт – ученый, труженик и человек.	110

<i>В. В. Ефремова.</i> Встреча, которой могло не быть . . .	113
<i>А. Г. Бехтер.</i> Каким мне виделся человек-академик	
<i>В. С. Пустовойт</i>	116
<i>Оглавление</i>	122

ВОСПОМИНАНИЯ
О Василии Степановиче
ПУСТОВОЙТЕ

Группа авторов

Ответственный за выпуск *Н. И. Бочкарев*
Редактор *А. Г. Бехтер*
Корректор *О. И. Гончарова*

Подписано к печати 20.03.2006. Офсетная печать.
Заказ 187 от 13.04.06. Уч.-изд. л. 4,83. Тираж 250 экз.
Ризография.

Отпечатано с макета заказчика в типографии
ООО "МС-Центр", г. Краснодар, ул. Лузана, 6
тел. (861) 224-55-41.